

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК XX И МИР

■ EL SIGLO XX Y LA PAZ ■ ■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

В НОМЕРЕ:

**ВСЕ БОЛЬШЕ И БОЛЬШЕ СО-
ЦИАЛИЗМА**

Радикальная демократия в разрезе

**ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В МОР-
ДОВИИ**

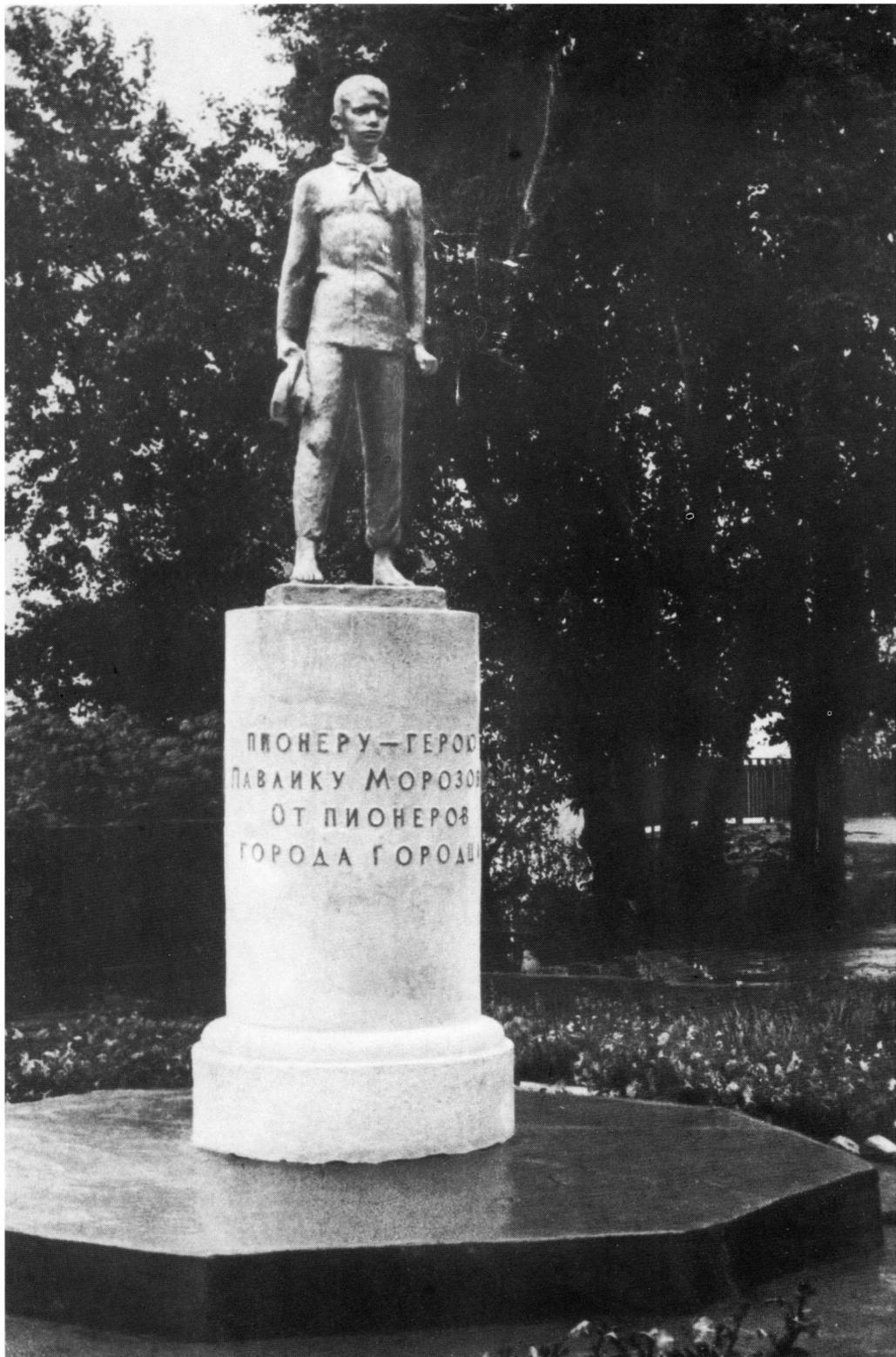
Воспоминания живого

**ВЕРУЕМ В КОЛДОВСТВО И В
РАССТРЕЛЫ**

Признания граждан и депутатов

ISSN 0320 8001

12/90

ПИОНЕРУ—ГЕРОДУ
ПАВЛИКУ МОРОЗОВУ
ОТ ПИОНЕРОВ
ГОРОДА ГОРОДА

В НОМЕРЕ:

<u>Почта</u>	
«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»	2
<u>Мы: страна в движении</u>	
В. КАГАНСКИЙ. СОЦИАЛИЗМ: ДАЛЬШЕ — БОЛЬШЕ	9
<u>Мнение эксперта</u>	
И. КУДРЯВЦЕВ. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОКРОШКА	15
<u>Что было, то было</u>	
«СССР ОБРЕЧЁН НА ЗАГИБЕЛЬ»	24
<u>В зеркале социологии</u>	
Р. РЫВКИНА, Л. КОСАЛС. МЕХАНИЗМ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ	26
<u>О правде в нас и вокруг нас</u>	
В. АБАНЬКИН. В ПРЕЖНЕЙ МОРДОВИИ	34
<u>Общественное мнение</u>	
АНОМАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ	39
РОССИЙСКИЕ ДЕПУТАТЫ О СМЕРТНОЙ КАЗНИ...	41
<u>Наш подход</u>	
ЧЕЛОВЕК ПОПАЛ В БЕДУ...	44
Анкета	47

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

«Уважаемая редакция...»

Авторитаризм или авторитет?

Прошло уже больше года с той поры, когда гласность, «взяв новый рубеж», заполнила печатные страницы рассуждениями о «железной руке», «сильной власти», «необходимости авторитаризма», а кто-то даже договорился до «перехода от партократии к автократии» (вероятно, не зная, что автократия — это всего лишь самодержавие). Первое время такие суждения вызвали печатные же возражения, довольно скоро, впрочем, прекратившиеся. О сильной власти заговорили даже отъявленные демократы — Анатолий Собчак, Сергей Станкевич и другие. Вряд ли нужно пояснять, какими событиями в нашей жизни мы обязаны столь быстрому воцарению единомыслия в этом некогда дискуссионном вопросе. Остается, правда, неясность: а что такое, собственно, эта «сильная власть»?

Об этом можно догадываться по тем средствам, коими предлагается власть укрепить. Это «усечение демократии», «чрезвычайное антизабастовочное законодательство», «война с преступностью». Уже и меры приняты — например, постановлением Ленсовета штраф за создание препятствий движению транспорта по улицам увеличен до 20 тысяч рублей. Суть этих предложений сводится, как мы видим, к репрессиям, или, по-русски говоря, к идее: сажать пора! Разумеется — для общего блага, грядущего в образе экономической реформы, к которой массы не готовы. Массы, они вообще всегда «не готовы», «не знают, чего хотят», «склонны к насилию». Лично меня эти рассуждения оскорбляют, так как я причисляю себя к массам. Однако авторы, видимо, считают себя столбовыми дворянами. Проявляющийся

здесь патернализм по отношению к массам неразрывно связан с патерналистским же пониманием власти, государства и права.

Патерналистское государство смотрит на членов общества как на несовершеннолетних, которые без содействия власти не в силах ни сообразить, что для них выгодно, ни самостоятельно добиваться своей цели. Оно властно попечительствует благу народа, принуждая граждан достигать этого блага. Эффективность этого принуждения — вот критерий, которым патерналистское государство определяет силу власти. Сталкиваясь же с неэффективностью, тем паче — с неповиновением, оно стремится ужесточить репрессии, принять чрезвычайные меры и т. п.

Укрепление власти действительно необходимо нашей стране. Но, как я полагаю и даже убежден, укрепить ее можно только лишь путем укрепления (и даже создания заново) доверия к государству, к правительству, к местным властям. Не «усечение демократии», а развитие ее. И раз слабым звеном государства оказалась власть исполнительная, то значит, необходима ее демократизация.

Безусловно, создание демократической системы исполнительной власти — задача, требующая упорного труда ученых, политиков, самих граждан, в то время как постановка экономической реформы на деловую почву требует незамедлительных мер по укреплению исполнительных структур. Какими же могут быть эти меры?

Вероятно, следует применить здесь тот потенциал демократии, который представляют собой демократические депутаты, которые прорвались в

Советы, победив самую мощную в стране политическую машину и проявив в этой борьбе незаурядное мастерство и изобретательность. Формы привлечения таких людей к работе в исполнительном механизме могут быть различными.

Возможно, депутатам районных Советов следует работать как бы муниципальными чиновниками, сливаясь с исполкомовцами, подменяя их. Возможно придание исполнительных функций депутатским комиссиям гор- и облсоветов. Наконец стоит подумать о создании института своего

рода комиссаров (я понимаю, что это слово не вызывает положительных ассоциаций, но не могу подобрать другого) из народных депутатов РСФСР и СССР, направляя их в провинцию. Все эти меры, разумеется, паллиативны и могут быть только временными, но сейчас важнее всего выиграть время для глубокой реформы, не допуская распада и паралича власти.

Александр ФИЛИППОВ,
г. Саратов.

Та строила — эта сносит

В № 7/90 помещена заметка Бориса Хазанова из ФРГ «Возмездие». Не касаясь существа заметки, хотелось бы отметить ошибку в самом начале рассуждений автора. Возможно, не будь этой ошибки, ход рассуждений был бы совсем иным.

Увидев в старинном русском городе Юрьеве (ныне Тарту) «памятник солдатам Северной войны, шведам и русским», автор думает, что «в России такой памятник был бы невозможен». Видимо, автор имеет в виду не Россию, а то, что именуют СССР? Ибо в Российской империи памятник храбрым шведским воинам стоит под Полтавой, а общий памятник с надписями на русском и французском языках:

«Их воодушевляла победа
Их соединила смерть...

Такова слава солдата,
Таков удел храбреца»

стоит над братской могилой русских и французов на святом для нас месте — Малаховом кургане. И на Бородинском поле стоит памятник с надписью «Мертвым Великой армии».

Кстати, замечу, что ансамбль памятников в честь обороны Севастополя появился спустя 50 лет после той войны. Интересна аналогия — Российская империя через полвека ставит памятники своим героям, а СССР, тоже спустя полвека, допускает разрушение и осквернение памятников людям, платившим жизнью за Победу.

Александр ТРУБИЦИН,
г. Москва.

Сносить или не сносить?

В последнее время неожиданно возник вопрос о памятниках, установленных в нашей стране после революции. Кое-где их уже снимают, против чего резко выступил Секретариат ЦК КПСС, и в этой связи в душе моей заспорили трое: Охранитель, Разрушитель и Соглашатель. Предлагаю им слово.

Охранитель. Памятник — это не переходящий вымпел, который можно давать, а затем отнимать. Он характеризует не только того, кому посвящен, но и эпоху, в которую воздвигнут. Может изменяться отношение общества к человеку, в честь которого памятник, может меняться и отношение к эпохе, но постыдно превращать ее в белое пятно, делать вид, что эпохи-то и не было. С какой легкостью был в свое время принят большевиками декрет «О сношении памятников царям и их слугам», и нетрудно понять немудреную логику авторов декрета: проклятый царизм, наш злейший враг, свергнут навсегда. Ни малейшего доброго воспоминания о нем не должно остаться, надо уничтожить памятники царям и всяким там царским губернаторам, генералам и спасавшим царей крестьянам. Сейчас многие разочаровались в большевиках и с той же легкостью требуют уничтожить памятники уже этой эпохи. Но посоветуем им приглядеться к опыту их предшественников на сем поприще. Прошло немного времени после сношения памятников так называемым царским слугам, как тем же большевикам пришлось-таки призадуматься.

Снесен был памятник Ивану Сусанину в Кострове — теперь восстановлен. Снесен был памятник генералу Скобелеву в Москве, — а ведь каким бы он оказался прекрасным символом русско-болгарской дружбы в новых, послевоенных условиях! Низвергнут был граф Муравьев-Амурский, возвышавшийся над Хабаровским утесом со взглядом, устремленным на точку слияния Усури и Амура, а как

пригодился бы он во время конфронтации и с довоенной Японией, и с маоистским Китаем! Сохранил, к счастью, Ленинград два памятника Петру, памятник Екатерине и ее сподвижникам, Александрийский столп, памятник Николаю I. Фальконетовский памятник Петру (медный всадник) на Сенатской площади был поставлен Екатериной, а растреллиевский у Инженерного замка — Павлом, и ничто лучше этих двух монументов не отражает сам дух этих столь различных эпох — екатерининской и павловской.

И к чести Одессы надо отнести то, что в ее центре находятся и памятник Пушкину, и памятник губернатору Воронцову, выдающемуся администратору, на которого Пушкин писал эпиграммы, столь же остроумные, сколь и несправедливые.

Памятник, повторяю еще раз, говорит, прямо кричит о своей эпохе. Возьмем изваяние в честь Гоголя, сотворенное Томским и стоящее у Арбатской площади, разве надо его убирать? Ведь это шедевр посредственности, безликости, и тем самым это лучший памятник эпохе соцреализма, эпохе сталинско-ждановского руководства культурой. Так парадоксальным образом оправдывается ленинская мысль о монументальной пропаганде (из того же зловещего декрета): по монументам научись быстрее, чем по книжкам; эпоху Павла I или А. А. Жданова оценишь, побывав у Инженерного замка или у Арбатских ворот.

Не снимать существующие памятники надо, а восстанавливать уничтоженные: и Скобелеву, и Муравьеву, и Столыпину в Киеве, и Александру II в Москве и в Самаре. А в Симбирске не мешало бы воздвигнуть памятник славному сыну этого города А. Ф. Керенскому. И уж, конечно, надо как-то отметить место гибели Романовых.

Разрушитель. Согласен: памятники отражают свою эпоху, и с этой точки

зрения их следовало бы все сохранить, но почему-то получилось так, что именно эпоха, охватывающая последние 70 лет, представлена памятниками совершенно непропорционально, как по количеству их, так и по безвкусию, ведь памятник Ленину стоит в каждом более или менее заметном населенном пункте. А в больших городах их несколько, а то и десятки. Это уже не перегиб и не перебор, а наводнение и инфляция. Не хотим же мы, чтобы наши потомки имели, скажем так, резко искаженное представление об истории страны, о соотношении разных ее эпох. Значит надо — увы — и какой-то укорот сделать.

А о безвкусии и говорить нечего. Достаточно вспомнить недавно сооруженный чудовищный памятник Ленину на Большой Калужской в Москве. Верно, что памятник Гоголю на Арбате ценен уже как эталон посредственности. То же можно сказать и о памятнике Лермонтову у Красных Ворот.

К тому же монументы существуют не сами по себе, а в окружении городского пейзажа. И вот карикатура на Я. М. Свердлова стоит на прекрасном фоне Китай-города и остатков китайгородской стены. Нелепая композиция, в которую входят Ленин, три человека с ружьями и какая-то юная парочка, загораживает вид на Новосибирский оперный театр. Киев в ознаменовании героической обороны этого города обезображен неким гигантским монстром, выдающим себя за «Родину-Мать». А ведь Киев — мать городов русских и один из красивейших городов страны — заслуживает лучшей участи. А в виду московского Кремля, на Манежной площади, торчит камень, обещающий изуродовать это славное место монументом, отмечающим даже не само историческое событие (Октябрьская революция), а один из ее юбилеев. Угроза эта, к счастью, за двадцать лет не приведена в исполнение, но спокойнее на сердце станет, когда эту занозу из асфальта выдернут.

Памятники Ленину должны, конечно же, быть, но не в таком же невообразимом количестве! И памятник Сталину (точнее, прижизненная его статуя) в Гори пусть остается, благо он в стране единственный. И ни в коем случае нельзя снимать памятники, действительно ценные в историческом или художественном отношении. В частности, обелиск «Революционерам и мыслителям» у Кремлевской стены в Александровском саду; и замечательный памятник Плеханову у ленинградского технологического института; и очень выразительный памятник «Товарищу Андрию» (Свердлову) в г. Свердловске.

Соглашатель. Вы увлеклись и забыли о главном: а до того ли нам сейчас? Разве разумно, чтобы демократические силы страны тратили свою энергию, свое время на эти, отнюдь не первой срочности, проблемы? А деньги? Все эти демонстрации, переносы нашей обескровленной экономике обойдутся в копейку. Давайте уж сперва выйдем из пропасти. И потом, вы очень решительно судили: этот памятник хорош, этот плох. Но ведь это ваше личное мнение. У других отношение к упоминаемым вами конкретным памятникам может быть прямо противоположным. И, слава богу, вам не принадлежит право окончательного решения.

Я считаю, что надо обратиться к нашим общественным силам: демократическим и националистическим, может быть, и к парламентам России и других союзных республик, с призывом — объявить лет этак на четыре-пять мораторий на решение всех вопросов, связанных с памятниками, с их возможным снятием, переносом, переконструированием. За это время можно не спеша, серьезно обсудить эти вопросы с участием историков и искусствоведов, учесть различные точки зрения. Здесь и ваши мнения смогут быть приняты во внимание. А торопясь, опять таких же дров наломаем, как когда-то. Согласны?

И кстати, заметили ли вы, что в нашем разговоре мы почти все города, улицы, площади называли их настоящими именами, как будто эти имена уже все возвращены?

Охранитель и Разрушитель. Возвратят. Это проще, чем памятник передвинуть.

Александр РАР,
научный сотрудник
Института систем информатики,
СО АН СССР, г. Новосибирск.

Кто учит?

Оглянешься на последние год-два нашей истории и содрогнешься: Сумгаит, Карабах, Минск, Тбилиси, Фергана. Взрывы, столкновения, оползни, землетрясения, аварии... Со слепой природы что возьмешь? Но вот — человек, убивающий человека! Милиционер, опускающий дубинку на спину известного писателя! Солдат, избивающий женщину саперной лопаткой! Какая мать его породила? Какой учитель воспитал?

Я вспоминаю своих учеников: мог бы кто-нибудь из них оказаться в числе тех солдат? И с дрожью в сердце осознаю, что не могу дать отрицательный ответ.

В чем дело? Почему мы, имея самые благие намерения, растим убийц? Да мы не убийц растим, а послушных исполнителей, отупевших от безделья и безмыслия. Какое уж там стремление к «чрезмерной» инициативе! Другая одежда? Другие песни, танцы? Нет! Мы уже не учителя, мы — цензоры, сыщики, прокуроры. Не смей это читать — не для тебя. Не смей задавать таких вопросов! Не твое дело! Мы скажем, какую страницу в каком учебнике прочитать, какой ширины поля в тетради красным стержнем подчеркнуть. Мы скажем, кого куда выбрать, о чем и с кем говорить... Мы вам все разжужаем и в рот положим, вы только глотните!

Отчего нам хочется, чтобы они бы-

ли такими? А потому, что мы — такие! Это же мы привыкли, что кто-то нам составит план и программу, укажет, сколько уроков на какую тему ответить. Главное — как об этом отчитаться. Мы держимся на этом, как смертельно больной на капельнице! И считаем это нормой. И растим (стараясь растить) себе подобных. «Партия сказала: надо! — Комсомол ответил: есть!» Скажи такому давить — будет давить, скажи стрелять — и не промахнется.

Наверно, не случись побоища в Тбилиси, мы бы до сих пор существовали в эйфории своего совершенства. Только теперь проклевывается мысль: куда же идем?

По-видимому, больше всего наша система ударила по учителю. Что там — гордость, достоинство, авторитет? Фи! Какое достоинство у этого несчастного с нищенской зарплатой, снимающего угол у бабы Настии?! Пусть этот Пифагор идет бураки полоть, колхоз ему участок выделил. Неча за книжками бездельничать! И идет, куда денешься. А потом — бредет в сельсовет с нижней просьбой «повлиять на Васю», который на уроки не ходит. И сельсовет иногда снисходит, вызывает Васю с родителями и «влияет».

Ушибленные этой системой Васи и Димы потом отыграются на учителе во время урока. И бежит педагог из

школы. Или приспособливается. Глядишь, вот он уже наполовину твой. Теперь приласкай его слегка, брось подачку в виде должности с более менее приличным окладом — и тогда он уже совсем приручен, готов служить благодетелям верой и правдой. Не случайно среди ...комовских пропагандистов и агитаторов большинство — педагоги. Испытанный, закаленный отряд! Теперь, в наше тревожное время, они как нельзя кстати. Нужно прокричать ура аппарату — громче всех кричат. Нужно «остудить» каких-то там «неформалов» — громче всех обвиняют: «Вон преступность растет, колбаса исчезла, мыло по талонам — и все из-за них! Развели, понимаете, народные фронты да независимые профсоюзы!..»

А потом — с чувством хорошо исполненного долга идут на уроки. И там продолжают воевать — за порядок, за дисциплину, за уважение. Только глядишь — рядом умник нашелся. Методику Шаталова изучил: двоек не ставит, игры придумывает для учеников, а те за ним толпами ходят. Безобразие! И принимает пед-

совет соломоново решение: учителю Имьярек отказаться от применения методики Шаталова, поскольку ее применение ведет к перегрузке учащихся и к ущербу для других учебных предметов. Все вернуть на круги своя, когда тихо и спокойно, когда все равны и никто не высовывается.

Только многие из тех, кто приказывал, сегодня-то уже не командуют. Уже иное звучит: творите, проявляйте самостоятельности! Выходит, все можно? Даже изучать в апреле то, что в октябре проходят? Но ведь это же хаос! Что мы в отчет запишем? Ах, его уже нет?! «Ну и что? Все можно», — звучит со всех сторон. Да только сидит внутри какой-то предохранитель, не отключается. А вдруг завтра придет Начальник и спросит: ты что, лучше всех захотел стать?

Сунули человеку кляп, руки связали — так и жил, привык. Теперь руки развязали, кляп-то можно и самому вытащить, да с ним как-то удобнее. Благо оно его рвать.

А надо!

**Михаил БУЛОВАЦКИЙ,
г. Могилев.**

Люди, остановитесь!

1 сентября 1990 года в моей квартире раздался телефонный звонок. Слышу в трубке: «Ты, жидовка, уже приехала? Теперь мы расправимся с тобой!»

Я — в смятении. Страх? Скорее — брезгливость. Но что это? Предупреждение о задуманных еврейских погромах? Именно с таких телефонных звонков, по рассказам очевидцев, начиналась трагедия в Баку.

... Из своего далекого отрочества услышала я сегодня пронзительный, отчаянный, многоголосый детский

крик, перекрывший вой сирены, возвещающий очередную воздушную тревогу.

Начало войны. Мне 16 лет. Уходит старший брат-студент добровольцем на фронт. Я не могу его проводить — спешу на курсы санитарных дружинниц. Чтобы уложиться в три месяца учебы (уже поступают первые раненные), мы проходим одновременно теоретический курс и практику в ожоговом отделении детской филатовской больницы. Обожженные детискелеты, обтянутые кожей, — нет,

именно почти без кожи — лежат в «клетках», покрытых одеялами. Малейшее прикосновение к тельцу даже простыни приносит ребенку нестерпимую боль. А мы под вой сирены берем их — сразу по двое — на руки, крепко прижимаем к себе и несем в бомбоубежище. Там нет «клеток».

Знали ли гитлеровцы, отменные отцы своих детей, о муках советских страдающих малюток! Конечно. На то и война. Всемирный «подвиг» фашистов.

Позднее я работаю медсестрой уже в госпитале. Молча, скрипя зубами, крепко впиваясь слабеющими пальцами в мою руку, раненые терпят операции и перевязки. А иные — кричат...

Я снова возвращаюсь в сегодняшний день. Дети Армении, Азербайджана, Киргизии, Узбекистана... Ну что же, значит теперь — дело за еврей-

скими детьми? Милиция, которую я прождала четыре часа после трех бесплодных вызовов (добилась через РУВД), сеет сомнения в способности (а может, в желании?) обеспечить защиту евреев. А ведь я сказала по телефону, что прикована к постели еще военной травмой, потеряла всю семью, одна в квартире, беспомощна...

И в ушах моих, в моей неуснувшей памяти стоит тот пронзительный, отчаянный, многоголосый детский крик...

Может ли повториться злодеяние руками теперь уже моих соотечественников по отношению к детям собственной страны? События в Закавказье, в Средней Азии отвечают: да!

Люди, остановитесь!

Ирина ТРИУС,
член Союза писателей СССР,
г. Москва.

СОЦИАЛИЗМ: ДАЛЬШЕ — БОЛЬШЕ

(Заметки реалиста)

Владимир КАГАНСКИЙ

В стране СССР идет самостоятельная реанимация социализма, разворачивается «социалистическая революция». Основное содержание политической и социальной активности — оживление и возрождение сугубо социалистических форм жизни, идеалов и ценностей. Тоталитарный социализм рождается заново, добровольно и довольно восторженно. Борьба идет внутри социалистических структур или между ними.

Читателю, согласному с вышесказанным, нет нужды обращаться к остальному тексту.

ПОДЪЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Для социализма распределение важнее производства, будь то производство мяса или научной информации. Но нынешняя политическая событийность — переход от одних способов и органов организации дележки к другим. Катастрофически сокращающееся национальное богатство стремятся любой ценой заново разделить «по справедливости». Идет борьба за то, где будет находиться механизм дележки (распределения), кто будет определять ее пропорции. По-прежнему благосостояние отдель-

ных людей и социальных групп предстает зависящим прежде всего от решения властей, а не от трудовых усилий, удачи, обладания собственностью и т.п. Сами политические силы организуются ныне лишь по поводу принципов механизма и раздела, в зависимости от того, как именно они намерены делить и какую долю пирога надеются захватить (полагают справедливой получить). Характерное для социализма отождествление власти и благосостояния в массовом сознании становится все острее. «Дальновидность» новых политических сил лишь в том, что они уже сейчас наметили пропорции раздела того пирога, который будет испечен кем-то при нормализации хозяйственной жизни. (Особенно преуспевают в такой активности разного рода социал-демократы).

Экономическая система социализма тотально политизирована и идеологизирована, главное для нее — управляемость как соответствие предъявляемым к ней политическим требованиям. Теперь распадающаяся экономика ориентирована на относительно новые политические задачи, но полностью сохраняет сам характер зависимости от них. Политизация производства усиливается, примером чему — культ демократических процедур при назначении на хозяйствен-

ные должности. Но демократически избранные трудовыми коллективами руководители оказываются в зависимости от них больше, чем раньше — от номенклатуры партаппарата.

Другой пример — региональный хозрасчет. (Я не имею в виду его единственно осмысленный вариант, когда эта идея служила временной идеологией, прикрытием для подготовки перехода республик к полной независимости.) Он означает не более не менее как полное слияние на местах политической и экономической власти, установку на фактический захват советами местной собственности. Но ведь экономика — самоорганизация рискующих собственников, а не придаток политики, даже самой добронамеренной. Не менее абсурдна и столь же социалистически последовательная идея присвоения трудовыми коллективами своих предприятий. То и другое было тщательно опробовано в социализме Югославии и оказалось способным лишь продлить его агонию.

В нормальной экономике трудящиеся борются с работодателями; у нас же сейчас они объединяются и вместе делят собственные предприятия, а право выхода на внешний рынок используется не для обновления ветшающего оборудования, а для закупки ширпотреба. Трудовые коллективы предприятий и отраслей-монополистов заняты саморазвращением путем получения привилегий. И вместе с ними оживают госпрофсоюзы, чьи ячейки и распределяют дефицитные товары. Право латать тришкин кафтан становится достоянием более широких групп населения, и монополия государства на распродажу всего, что только можно, действительно поколеблена.

Примета социализма — особая роль натурального обмена в формах

планирования и компенсирующего его дефекты черного рынка. Ныне натурализация хозяйственных связей усиливается, место централизованно выбываемых фондов занимают непосредственно обмениваемые. Возрастает и натурализация местного хозяйства, замкнутость региональных экономик, что и почувствовали потребители. Социалистическая автаркия становится достоянием отдельных частей государства, а не его как целого, что было прежде. В экономике падает роль денег, которые при социализме всегда лишь фиктивно были всеобщим эквивалентом. Уровень жизни зависит от удачливости начальства предприятия и оборотистости местных советов.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ УКРЕПЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ СОЦИАЛИЗМА

Социализм — господство структур над людьми, эти структуры могут быть жестокими и абсурдными, но во властвовании и подавлении они эффективны. Каждая из них — вариант ГУЛАГа, будь то система административного деления, госпредприятия и отрасли, колхозы и т.п. Что же происходит в эпоху, когда придворные либералы опасаются слома всего подряд? Активизация этих самых структур, ячеек тоталитарного пространства. Более того, без общественной активизации эти ячейки сами бы и развалились от ветхости или превратились в чисто репрессивные структуры, чего так добивался своими кампаниями предыдущий генсек.

В новой роли базиса дележки оживились предприятия-монстры. Области, края, районы зажили новой жизнью, посылая неписанные, но стойкие депутатские делегации в новые

советы. Внутренне они укрепились начатками «регионального хозрасчета» и потому начали вовне хозяйственные войны. Реформаторы продолжают мыслить об ослаблении власти структур над людьми, тогда как доминанта политической событийности — витализация частных структур социалистического общества и нарастание их конфликтов между собою. (Уподобление большей части вновь возникающих политических образований старым, традиционно-социалистическим — общее место, и специально его можно не касаться.)

Политическое пространство остается организованным точно так же, как и прежде, — только ранее скрытое от обычного взгляда выходит на поверхность. Считается, что власть безвозвратно уходит от компартии, — но остаются и действуют все структуры, созданные властью этой партии и могущие функционировать только при ее жестком согласовательном контроле. По-видимому, можно сказать, что мы наблюдаем конфликты структур, ранее входивших составными частями в общий механизм власти, а теперь автономно реализующих собственные корпоративные интересы.

Характерная для социализма установка на оживление того, что само по себе нежизнеспособно и для жизни не предназначено, сейчас находит выражение в том, что общественная активность склонна заполнять сложившиеся политические и культурные формы и гораздо менее — создавать новые. (Вспомним робость образования оппозиции наверху, в Верховном Совете СССР, демократические тусовки в компартии и многое другое.)

Энергия уходит на безнадежную реанимацию даже не политических и общественных групп, а муляжей и

манекенов, и лишь ее остаток — на творчество форм, то есть производство смысла. Между установками на оживление (обновление) и тотальное разрушение почти нет промежуточных вариантов; такая поляризация также чрезвычайно свойственна именно социализму. Из общей ситуации резко выделяются страны Балтии, где в политическом процессе прагматично используются старые структуры, по мере исчерпания возможностей они заменяются новыми, загодя заготовленными в разумном избытке; старые структуры уже начали там довольно успешно демонтировать, дезактивировать.

Социализм всегда навязывал поданным основу для идентификации, самоопределения в социальном пространстве. Теперь прежние единицы политического тела, наполняясь групповым эгоизмом и усиливаясь в общем ожесточении (кризис ожиданий и вообще кризис), становятся лагерями войны всех против всех. Между аморфными общностями невозможен конфликт, ибо для него нужны отчетливость оппозиции «свой — чужие» и административно-экономическая база. Любые структуры живы до тех пор, пока их есть кому считать своими и защищать в таком качестве, будь это города, отрасли промышленности, национально-государственные образования. Утверждения о разгорающейся гражданской войне в общем неверны — это как раз война (экономическая, пропагандистская, война собственно) между функционирующими подразделениями формально одного государства. Вот здесь, пожалуй, мы уже видим отход от социализма и переход к разновидности внутренней войны в феодальной империи.

РОСТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МАСС

Политизированно-идеологизированными стали все сферы жизни в обществе и почти все типы отношений между людьми. Даже в литературной критике, художественной публицистике и сейчас почти не находится места собственно эстетическим меркам; это не столь уже безобидный симптом способа проживания культуры.

Политизирована вся сфера этнического бытия и межэтнических отношений. Контакты между этносами — от бытовых, где коллизии неплохо передавались известными анекдотами, до экзистенциальных решений выбора судьбы — стали отношениями между этническими территориями, имеющими и (или) желающими получить тот или иной политический статус в государственной системе. (Иначе говоря, эти отношения стали властно-силовыми.) Раньше пункт 5-й анкет служил для отношений гражданина с государством, а теперь — всех со всеми. Политизированы конфессиональная сфера и образование, досуг и литература... Причем эта политизация есть подготовка к жизни, а не самое жизнь.

Раньше свободное политическое пространство «умещалось на кухнях», а вне их царил внешняя, навязываемая и потому псевдоживая политика власти; теперь же распадающееся государство добровольно допущено нами в частную жизнь. Политизированное сознание — а ведь уровень политизации гораздо важнее содержания политики — удаляется от смысла и глубинных ценностей и заполнено, замусорено переживанием конфликтов.

Мера зависимости частной жизни от социальных структур, и раньше

казавшаяся чрезмерной и почти невыносимой, существенно выросла. Наша частная жизнь, без укорененности в которой все прочие сферы бытия невозможны (бессмысленны), нами самими национализирована. Такой добровольной самополитизации социализм не знал, по-видимому, еще никогда; такой победы не одерживал. Громоздкие рушащиеся политические структуры занимают новое место в повседневности. Повседневность, обыденность становятся оживающей свалкой идеологических руин. Мы превращаем наше сознание в политизированную помойку.

РОСТ ИДЕЙНОСТИ МАСС

Социализм — господство искусственных и заемных целей и идеалов над органически вырастающими из жизни. Но менее всего «новые» идеалы, цели и проекты вырастают из современной реальности нашего общества. Налицо активно-агрессивное упование на любой опыт: будь то опыт дореволюционной Российской империи, советского НЭПа, чистого рынка, шведского социализма — лишь бы был он привлекателен и никак не связан с мрачной, тягостной, но подлинной реальностью. Социалистическая идея проектирования общества — не от наличного бытия, а от желанного идеала — торжествует по-прежнему. Сохраняется характерное для утопизма презрение к реальности. Дезориентации в политическом пространстве сопутствует утрата ощущения своего времени.

Социализм — целенаправленное вложение живого в искусственные рамки, а его сверхзадача — оживление этого монстра. Как мы видели выше, оживают все рамки в старом

политическом чертеже. Достаточно произвольны проведенные границы даже республик (не говоря уже об областях и районах), рубежи игры сиюминутных политических интересов в момент застывания политической географии державы оживаю. Становятся рубежами, в которых плещется и за которые готово платить кровью живое национальное чувство (разумеется, речь не идет о целостных этногосударственных образованиях, аннексированных СССР). Старые границы ячеек тоталитарного пространства оживают в функции будущих фронтов. Многие тысячи километров межреспубликанских границ стали уже сейчас — или становятся — предметами конфликтов. Раньше эти рубежи были контурами ячеек, в рамках которых шла перманентная холодная война властей с народом; война становится все горячее, и наш энтузиазм готов ее подпитывать.

При старом социализме мы были равны, как равны винтики разных сортов. Теперь достижение неравенства становится явным предметом гордости. «Демократические советы» гордятся сегрегацией покупателей, считая эту противозаконную меру защитой прав своих избирателей. Социалистические «демократы» прямо делят людей по сортам, усиливая потребительскими визитками паспортную приписанность граждан. То, что с быстро прошедшей иронией демократы назвали «освобожденными районами», в их проектах начинает становиться полными выживания в охваченной катастрофами стране. Прогресс социализма в том, что он строится теперь в отдельно взятых районах (избирательных округах). Остается только шажок до того, как прописка будет предоставляться лишь сторонниками правящей в мест-

ном совете клики, — простите, народной коалиции демократических сил. Не становятся ли местные советы чем-то вроде ревкомов времен «военного коммунизма»? Победоносные демократы защищают равенство в контролируемых ими районах (не будем говорить об иллюзорности такого контроля) с яростью, знакомой нам разве что по гражданской войне. Общество искусственно насаждаемого неравенства получает теперь санкцию избирателей.

ВЕЛИКОЕ, ВСЕПОБЕЖДАЮЩЕЕ УЧЕНИЕ

Социалистический образ жизни означает универсальность, принудительность и лицемерие ритуалов. Новая общественная жизнь — что почти сразу заметили проницательные этнографы и культурологи (пока «политологи» наскоро кропали апологетические, но устаревающие мифы) — стала сплошным карнавалом, магией заклинания, царством какой-то словесной чертовщины. Царит новая ритуальность, в которой слова и символы самоценны (что нормально) и самодостаточны (чего для подлинных символов быть не может, ибо символ жив высвечиваемым им вечным смыслом). Главной «победой» была отмена статьи 6 Конституции СССР, в которой была откровенность констатации надзаконной и безграничной власти компартии. Но все структуры этой власти остались «в силе».

Тут, как и во многом другом, notably удивительная независимость происходящего в символически-политической сфере и в реальности. Эти плоскости параллельны, царят без связи, и в них происходят прямо противоположные процессы. Символы

оказываются не глубинными знаками реальных событий, а компенсацией того, что происходят события совершенно иные. И такое двоемыслие становится добровольным и сопровождается массовыми самообманами и универсальным лицемерием. Политические фантомы и призраки вытесняют реальное существование и разворачиваются в его жизненном пространстве. Характерный симптом карнавализации общественной жизни — использование политических фигур и формул в декоративных целях, значки с популярными персонажами и т.п. Но ведь всякий карнавал с его оборачиваниями, инверсиями, осмеянием устойчивого порядка, царями-шутами лишь укрепляет, обновляет и возобновляет этот порядок. Политически-игровая событийность укрепляет основные структуры социализма, разводя реальность и ее проживание по разным сферам. Мрачноватой лицемерной идейности пришла на смену праздничная карнавальность.

Социализм предполагает упрощение и уплощение реальности, оглушение тех, кто воспринимает формулы двоемыслия всерьез. Стало ли нынче иначе? Ориентация в политическом пространстве не то, чтобы потеряна — она просто перевернута; путаница левого и правого — симптом невменяемости. Не говоря уже о том, что само стремление «оппозиции» называть себя левой прогрессивной силой выдает ее социалистической идентификацию. Политический жаргон просто весь состоит из эффе-

мизмов, когда империя стыдливо именуется «Центром», а империалисты — консерваторами. На политической арене действуют — если верить ее персонажам — какие-то фантомы и призраки вроде мафии, тех же консерваторов, лидеров и врагов «перестройки», «оппозиции» и т.п.

Социализм есть утрата реальности, а в конечном идеале — полное искоренение естественной, подлинной, самосогласованной действительности и адекватного мышления о ней. Мы же переживаем скорее новую дереализацию, прячемся за самодельные фантомы, надеемся на одни политические призраки и опасаемся других. Катастрофа уже практически наступила, а борьба идет за детали политического устройства. Хозяйство почти распалось и скоро вовсе исчезнет — дискутируется «нормальная экономика». Недостает чистой воды, а местами и чистого воздуха — обсуждаем «перспективы развития высокотехнологических производств». Страна вопит о политических преступлениях (впрочем, кажется, уже устало и привычно) — и грудью встает на защиту перебежчиков из преступных структур. И нет числа подобным примерам...

Что же это все значит? Демонтаж социализма? Да нет, скорее, ремонт, как и положено ремонту у нас, — косметический по цене капитального. Идет подлинное обновление социализма, он становится крепче, и его становится больше. Больше, больше социализма!

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОКРОШКА

Илья КУДРЯВЦЕВ,
сотрудник Московского бюро
информационного обмена

Классические схемы политической классификации, такие как «правый — левый», «консерватор — прогрессист» и прочие оказываются несостоятельными применительно к современной расстановке сил в СССР; они не в состоянии адекватно описать сложный спектр политических сил, таких как «Память», КПСС, демократическое движение.

Нетривиальность ситуации заключена в том, что, наряду с классическим выбором между «левой» (социалистической, коммунистической) и «правой» (либеральной и другими, вплоть до монархической) идеологиями, в советской политической практике важен также и другой выбор — «сохранение порядка» (государственности, внутренней и внешней имперской политики) либо «изменение, разрушение порядка» (конкретно это может означать и борьбу за разрушение существующей административно-бюрократической системы, и превращение унитарной империи СССР в союз независимых государств, и др.).

Весьма существенно, что два этих выбора могут по-разному накладываться друг на друга так, что их сочетания оказываются весьма причудливыми. Сторонники укрепления империи могут выбрать, какой государст-

венный строй им больше подходит: монархия, какая была до 17-го года — или сталинское тоталитарное государство. С другой стороны, люди, называющие себя коммунистами, могут выбирать одно из двух диаметрально противоположных толкований своей идеологии: раннего, восходящего к 1917 году «коммунизм = смерть бюрократии + интернационализм, или более позднего «коммунизм = бюрократическая система + великодержавный шовинизм». Заметим, что сторонники **обоих** взглядов на суть коммунизма имеют для этого достаточные исторические основания.

Весьма интересным объектом является антикоммунизм, приобретший сейчас в СССР просто астрономическое количество сторонников. Будучи противоположным коммунизму, он также имеет две трактовки, но обе они оказываются совпадающими с трактовками коммунизма. Именно обращая понятие коммунизм (см. выше), мы получим «антикоммунизм = бюрократия + шовинизм» и «антикоммунизм = смерть бюрократии + интернационализм». Таким образом, антикоммунизм — это зеркальный коммунизм. Близость этих двух идеологий в последнее время осознается многими советскими интеллектуалами.

ДВУЗНАЧНАЯ ПОЛИТИКА. ПАТРИОТЫ

Трудно быть традиционалистом в «стране с непредсказуемым прошлым»... Историческое развитие России — СССР разорвано. В какой из непрерывных областей искать традиции? По существу же, определяющим для традиционализма началом является даже не преемственность исторического развития, а преемственность общественного сознания — но именно оно у нас претерпевало за последние сто лет просто невообразимые изменения.

Итак, где же искать **почву**? В существовавшей веками «крепкой» Российской империи или в существовавшем всего 70 лет (но 70 последних лет) не менее крепком коммунистическом тоталитарном государстве? В зависимости от ответа на этот вопрос, патриотические организации, выступая за твердую государственную власть, выбирают различные идеологические ориентации. Одна из них — монархизм, другая называется национал-большевизмом.

Пучок патриотических объединений, которые обычно фигурируют под общим названием «Память», стал (хронологически) первой независимой политической силой, проявившейся в период перестройки; сегодня он стал неотъемлемой частью политической жизни СССР. Следует сразу отметить, что существует не менее пяти конкретных организаций, именующих себя «Памятью», впрочем, даже все вместе они далеко не исчерпывают российского патриотического спектра.

Наиболее общими началами, связывающими вместе патриотов, являются личный (индивидуальный) традиционализм, имперское сознание, общая обеспокоенность за шаткие ныне

устои, нацеленность на их укрепление. Здесь, однако, возникает вопрос: «Укрепление каких именно устоев?» История России знает различные модели «твердого государства».

В создании теории национал-большевизма кроме вождей КПСС большую роль сыграли и некоторые нынешние столпы «Памяти», такие, как, например, М. Ф. Антонов, председатель официально зарегистрированной организации «Союз духовного возрождения Отечества». Вот, что он пишет в комментариях к уставу «Союза»:

«СССР, великая держава, впервые в своей истории не имеет четко поставленной национальной цели». «Быть может, самая глубокая ошибка подавляющего большинства наших старых руководящих кадров заключается в непонимании роли религии и церкви». «Социализм... показал свою огромную созидательную и привлекательную силу». «В России, с ее многовековыми традициями общинной и артельной жизни, речь может идти только об очищении идеи социализма». «Союз отличает признание ценностей обновленного, одухотворенного социализма» (выделено мной — **И. К.**) «Строй цивилизованных кооператоров, завещанный нам В. И. Лениным и требующий духовного возрождения общества и каждой личности, вполне достижим в недалеком будущем, и в нем — условие спасения человечества от глобальных катастроф».

Союз заявляет, что он за сильную армию и военно-морской флот, нацеленные одновременно и на оборону страны и на активное участие в созидательном труде народа... «за твердый правопорядок».

«Призвание Советской России — вновь стать духовным лидером человечества». «Союз... выдвигает кон-

цепцию развития Москвы как духовного центра мира».

Можно сказать, что и монархизм, призывающий вернуться в Россию до февраля 1917 года и национал-большевизм, мечтающий о построении православного коммунизма, рождены консервативным типом сознания. Они, однако, различаются выбором идеологических шаблонов (это, кстати, предопределяет и различное отношение к существующему сейчас режиму). По существу, национал-большевизм является приспособлением общих для обоих течений имперских устремлений к коммунистической действительности, которую монархизм для себя полностью отвергает.

Идеология национал-большевизма неизбежно толкает своих сторонников на поиск поддержки в рядах КПСС. И ее удалось найти у консервативного аппаратного крыла партии. Безусловно, союз с представителями власти позволил ряду патриотических организаций обрести определенную психологическую стабильность, придал завершенность их позициям. С другой стороны, он же обострил отношения между национал-большевиками и монархистами внутри патриотического движения. Первоначально размежевания между двумя течениями не было. Некоторые патриотические организации тяготели к одному, некоторые — к другому, но и те и другие старались этого не замечать. Однако прямой союз национал-большевиков с коммунистами вызвал у патриотов-монархистов яркую реакцию неприязни. Вот что пишут В. Садовников и И. Тверсков в газете «Голос России» № 5/90 (орган Народной партии России):

«Вывод напрашивается сам собой: концепция «национал-большевизма», изначально бесперспективная, ныне

превратилась в тормоз для возрожденческого национального движения, с ней можно дискредитировать любую идею, с ней победить невозможно».

«... необходимо решительно размежеваться с консервативной коммунистической партократией».

Из того же материала можно сделать заключение, что столь решительные призывы к разрыву имеют и чисто практические, тактические основания:

«... политическим организациям, отстаивающим идеи государственного и национального возрождения, в будущем нет никакой нужды идти на какой-либо альянс с коммунистами. Тот, кто не может или не хочет помочь себе сам, едва ли будет помогать другому. Коммунистическая партия, в традиционном понимании, сегодня мертва...»

Проблема национального возрождения русского народа является, по-видимому, одной из наиболее острых политических проблем СССР. Неоднократно предпринимались попытки соединить демократическое движение с патриотическим, которые, однако, успеха не имели. Думается, демократические ценности вообще не совместимы с национально-патриотическим традиционализмом, опирающимся на **российскую**, то есть **имперскую** идею, которая развивалась по крайней мере последние 400 лет, которая безмерно ужесточила русское государство, а затем привела его к краху, которая растлила национальное самосознание русского народа. У этой традиции нет будущего, она себя исчерпала.

Для нахождения русских национальных традиций, совместимых с демократизмом, нужно, по-видимому, обратиться к более ранним (домосковским) пластам русской

истории, ныне практически затертым более поздними наслоениями: промышленно-торговым традициям Киева и Новгорода, демократическим традициям Новгорода и Пскова. Характерно, что для «Памяти» они остаются незамеченными, несмотря на то, что в поисках истоков империи «патриоты» доходят до языческих корней (емельяновская «Память»).

Идеологическим водоразделом в национальном движении русского народа должно стать саморазграничение между **русским** (то есть национальным) и **российским** (то есть имперским) типом возрождения. К сожалению, в настоящее время этот вопрос практически не разработан.

ДЕМОКРАТЫ: ОТ КОММУНИЗМА ДО КАПИТАЛИЗМА

Второй силой, организовавшей несколько позже «Памяти», но преемствующей в настоящее время последнюю по численности сторонников, стало демократическое движение.

В качестве наиболее общих свойств участников демократического движения можно назвать недоверие к прошлому (которое подчас переходит в тотальное неприятие), смутную веру в светлое будущее. «Демократы» отличаются стремлением к изменению порядков и к расшатыванию империи, недоверием к твердой власти вообще и, в частности, к исторической и современной формам российской государственности.

Первой организационной структурой демократического движения стал Демократический Союз, родившийся в мае 1988 года весьма слабым, а потому — крайне радикальным. (Есть

и обратная закономерность: «умеренные» стараются выглядеть сильными, а радикалы — слабыми. Возник даже своеобразный комплекс радикала: «Я борюсь со Змеем Горынычем».) ДС родился настолько радикальным, что умеренные, «центристские» взгляды в нем были совершенно непопулярны, а потому организация состояла из радикально-правого («ультралиберального») и радикально-левого («неокоммунистического») крыльев, которые, однако, вполне спокойно находили общий язык в своей повседневной деятельности — в организации митингов протеста и демонстраций.

Совершенно такие же мирные отношения распространены бывают среди патриотов, которые декларируют приверженность совершенно несовместимым идеологиям. Идеологии действительно совместить не удастся. Однако — что показательно — в практической деятельности этого часто не требуется.

Отдельные группы более умеренной ориентации появились летом 1988 года, но сильный «Центр» в демократическом движении возник весной 1989 года на волне выборов. Можно указать общество памяти жертв репрессий «Мемориал», региональные народные фронты (прибалтийские фронты не имеют к этому никакого отношения), клубы и ассоциации избирателей (например, МОИ — московское объединение избирателей). Определенную пикантность движению придает пачка микроскопических партий, среди которых выделяется активностью либерально-демократическая партия Жириновского, об образовании которой стало известно 1 апреля 1990 года.

Противоречия между либеральным и социалистическим крыльями обострились с образованием Социалистической партии, открыто противо-

поставляющей себя либералам. Вот что, например, сказал на учредительном съезде Олег Воронин, избранный позже членом исполкома:

«Мы должны сконцентрироваться на разоблачении и абсолютном противопоставлении себя той либеральной сволочи, которой сейчас так много оказалось в Советах. Мы должны вести с ней бескомпромиссную политическую борьбу.» Это заявление было встречено аплодисментами делегатов.

КПСС — ОТ ОХРАНИТЕЛЕЙ ДО ОБНОВЛЕНЦЕВ

В КПСС единой является идеология (которая в значительной степени является предметом веры и практически полностью оторвана от действительности), в то время как реальные мироощущения отдельных «коммунистов» могут значительно отличаться. Сегодня в рядах КПСС имеются как охранители (от простых бюрократов до шовинистов и империалистов), так и обновленцы (борцы с бюрократией), космополиты и сторонники полного распада СССР.

Обновленческое движение имеет два крыла: либеральное и социалистическое. Представители обоих вполне сходятся в том, что существующий порядок вещей никуда не годен, но видят различные пути его замещения.

Большинство предпочитает «западный» либеральный путь, апеллируя к тому, что им сейчас следуют все развитые страны. В то же время, первый этап пути — и так считает большинство — будет крайне болезненным. Этот момент вдохновляет умы социалистов, предполагающих, что они найдут сторонников, даже не имея серьезной экономической про-

граммы, но постоянно апеллируя к рабочему самоуправлению и обещая защиту от «ужасов капитализма».

Развитие социалистической идеологии в рамках демократического движения имеет длительную и своеобразную историю. В течение десятилетий — после эпохи Сталина и до эпохи Горбачева — то там, то здесь, по стране возникали подпольные марксистские кружки. Многие будущие диссиденты-антикоммунисты начинали тогда с попыток очищения марксизма. В условиях жесткого подавления инакомыслия именно социалистическая альтернатива официальной идеологии — самая близкая к ней — казалась самой перспективной.

Тот же процесс, только более интенсивно, происходил и в первые годы перестройки. До тех пор, пока официальная идеология сохраняла власть над общественным мнением, — до тех пор и социалистическая идея была неременным перевалочным пунктом «из коммунизма — в инакомыслие»; ряды ее сторонников постоянно пополнялись.

Возникла иллюзия непрерывности массового политического сознания. Общество, переходя от господства одной идеологии к господству другой, должно последовательно пройти все промежуточные стадии: если год назад люди верили коммунистам, то через год будут верить социалистам, социал-демократам, а затем уж — и другим...

Практика СССР, а более того — стран Восточной Европы показала ошибочность этой гипотезы. Напряженному общественному сознанию свойственны срывы. Непрерывность изменения политической позиции свойственна обществу, сознание которого управляется разумом, — то есть свободному обществу. В том же случае, когда сознание общества подчи-

няется **вере**, а не разуму, — а это свойственно для тоталитарных государств — непрерывности изменения нет.

Отношение веры — существенно односторонне; сознание, определяемое объектом веры (например, марксизмом-ленинизмом), не может влиять на сам этот объект, как-либо изменять его. С изменением сознания поклонение объекту веры может исчезнуть — но оно не может «перейти по наследству» к объекту близкому («демократическому социализму»). Интереснее всего то, что сам объект веры оказывается более долговечным, нежели поклонение ему. Так, больше всего антикоммунистов встречается среди людей, недавно вышедших из КПСС. Коммунизм для них еще остается реальностью, но теперь они его ненавидят. Переворот сознания, основанного на вере, может произойти практически мгновенно, ибо он не обременен какими-либо размышлениями.

С лета 1989 года марксизм и коммунизм, так долго владевшие массовым сознанием, начали им отторгаться. Общество отвернулось и от социалистов — вообще от всего, что пахивало «красным». Так некогда обильная социалистическая ветвь демократического движения стала в нем маргинальной. Сегодня становится понятным, что социалистические идеи в рамках советского общества существуют лишь благодаря влиянию КПСС. Ссылки на опыт западных социалистов и социал-демократов в СССР бессмысленны. Западное социалистическое движение существует лишь в качестве противовеса индустриальному обществу, которое у нас только еще предстоит создать. В СССР идеи западной социал-демократии **беспредметны**, не имеют объекта приложения. Поэтому

буквальное воплощение социализма в СССР может быть только сталинским. Попытки же скрестить этот социализм с демократией ничуть не лучше попыток «Памяти» скрестить большевизм с православием.

Во время предвыборной кампании весной 1990 года аппаратное крыло КПСС и большевистское крыло «Памяти» создали «блок общественно-патриотических движений», опубликовавший свои предвыборные списки кандидатов; успеха на выборах блок не имел. Союз социалистов и «радикалов» из КПСС официального оформления не получил, в то же время имеется сильное пересечение этих структур на уровне личного членства.

XXVIII съезд показал, что серьезных расколов в КПСС не произошло и гигантская туша будет, вероятно, и дальше влачить свое зыбкое, сомнамбулическое состояние, не в силах ни встать на ноги, ни пошевелиться, ни расколиться на жизнеспособные части — до тех пор, пока не исчезнет вовсе, распавшись в пыль. В последнее время серьезную конкуренцию «постепенному» размыванию компартии стали составлять «мгновенные» переходы из рядов коммунистов — сразу в антикоммунисты. Так Н. Травкин всего через три месяца после выхода из КПСС организовал партию, которую провозгласил антикоммунистической.

ЭМИГРАЦИЯ

Еще одним политическим объектом, правда, несколько удаленным, является русская эмиграция на Западе. Долгое время она строила свою политическую позицию, исходя из идеологического (последовательно антикоммунистического) подхода. У эмиграции имеется традиционалистское, «почвенное» крыло, признан-

ным лидером которого является А. Солженицын, и рационалистское, «западническое», либеральное, моральным лидером которого был (а в некоторых вопросах — является им до сих пор) А. Сахаров.

ЦЕНТР И НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕСПУБЛИКИ

Карты политического мира национально-административных регионов СССР (и прежде всего — национальных республик) имеют свою специфику по сравнению с теми, которые были приведены выше (и касались, прежде всего, политического мира, сложившегося в России).

Достаточно характерными оказываются политические карты национальных республик, в которых коренное население составляет приблизительно не более двух третей. Основным политическим определителем в этих республиках является выбор: «за независимость» — «против независимости». По существу, он является разновидностью выбора «за развал империи» — «за ее укрепление». Другие политические факторы отходят на задний план. В результате на политической карте республики появляется, как правило, враждующая пара «Народный фронт» (движение национального возрождения) — «Интернациональный фронт». Конфликт между ними приобретает характер межнационального, Народные фронты берут под свое влияние значительное большинство коренной национальности. Интерфронты же пытаются собрать приезжих-переселенцев других национальностей.

Ни Интерфронты, ни тем более «Движения возрождения» не являются внутренне однородными. Интерфронт, как правило, имеет «пере-

строечное» крыло (русскоязычная техническая интеллигенция), взгляды которого можно охарактеризовать как сплав национального нигилизма с экономическим и политическим либерализмом, а также «неосталинистское» крыло (соответственно сталинизм + шовинизм).

От народного фронта обычно отходит (не отделяясь вполне) радикальное национальное движение; со временем в среде фронта создаются партии. По существу, как внутри Интердвижения, так и внутри Движения национального возрождения существует размежевание на правых и левых. В данном случае мировоззрение уже однозначно определяет выбор идеологии.

В таких союзах присутствует определенный элемент комизма. Косматые почвенники из «Памяти» неожиданно оказываются друзьями совершенно противоположных им по складу интернационалистов! Если бы эти люди (и те и другие — русские) встретились на родной территории, они, несомненно, стали бы врагами, но граница делает их союзниками. Напротив, космополитическая российская интеллигенция, в глубине души считающая все национальные проявления предрассудками, пытается вникать в хитросплетения межнациональных козней.

Более логичными и крепкими являются связи консерваторов из КПСС (в особенности — представителей ОФТ) с интернациональными движениями (в особенности — с их неосталинистской частью). На этом пути удалось достигнуть организационного единства: Интердвижения вошли коллективными членами во всесоюзный ОФТ.

Связи демократов и националов в большей степени имеют «внешнеполитический» характер (так великая

держава может помогать даже и бандитам в Никарагуа) и не перерастают в организационные. Естественное завершение такие контакты получают с выходом сторон на парламентский уровень.

В КОЛЬЦЕ ИСТОРИИ

Среди других закономерностей развития человечества есть и определенные правила соответствия между развитием общества и строением государства.

Кризис 1917 года в России был связан с переходом от государственного устройства, основанного на внеэкономическом принуждении, к демократическо-правовой структуре взаимоотношений. Строительство государств любого другого типа было заранее обречено на провал, оно было «запрещено» уровнем развития тогдашнего общества. Большевики, взявшиеся за строительство коммунизма, быстро обнаружили, что их усилиям противостоят общество и его законы. И здесь важную роль сыграл моральный кодекс строителей нового общества, который разрешал все противоречия предельно просто: «Мешает — убей». Мешало общество, и оно стало жертвой строительства коммунизма.

Идеологические лозунги этого строительства были исключительно левыми, однако буквальное их воплощение было невозможно и, следуя «кодексу коммуниста», оставалось только убивать. Убийства вели к деградации общества, возвращая его назад к феодальным (и даже первобытным) порядкам.

Процесс получился страшнее самой кровавой революции, которая все же прекращается с выходом общества из промежутка нестабильности, с дости-

жением адекватности государства и общества. Но строительство коммунизма, сопровождавшееся фактическим продвижением к каменному веку, ничем закончиться не могло.

В некоторый момент, наконец, состояние общества продиктовало свои законы, которые стали выше желания диктаторов: они определили самих диктаторов. Сильнейшая деградация общества потребовала возврата далеко назад и в государственном устройстве. Единственной возможностью для поддержания ультра-левого большевистского режима стал переход к ультра-правым, феодальным нормам управления.

В КПСС феодально-коммунистический дуализм отразился в форме дуализма партийной массы и партаппарата; первая болела большевистской идеологией, вторая вершила феодальное управление. «Новое» же государство было рождено синтезом старой бюрократической монархии и левой, большевистской фразы. В это же время в общественное сознание внедряется «неоконсервативная» идеология, проникнутая «левым традиционализмом».

Решительный шаг в создании «неоконсервативной» идеологии был сделан в 30—40 годы; в это время восстанавливаются в правах отдельные моменты «славной истории» Российской империи, личности некоторых ее властителей и полководцев. В этот канонический ряд добавляются новые имена (Ленин, Сталин, их соратники) и новые события (революция 1905 года, октябрьская революция 1917 года, гражданская, а затем и Отечественная войны), соединяя таким образом историю Новой и Старой Империи. Умноженная до невиданных размеров продолжается национально-колониальная политика, бывшая политическим стержнем романовской

империи.

Переход к феодальному управлению был единственным путем спасения режима; он давал «уникальную» возможность поддерживать дальнейшее строительство абсурда.

Жалкому государству необходимо было жалкое общество. Общество постоянно сдерживалось в своем развитии. Первоначально для этого использовался перманентный террор, затем более мирные методы. Когда же и они исчерпали себя, общество вновь начало разгибать спину. И вот, совершив гигантскую петлю, мы снова возвращаемся к разбитому корыту. Кружной путь серьезно спутал картину сегодняшнего политического спектра.

70 лет «борьбы» собрали в аппарате (то есть руководящей организационной структуре КПСС) людей правого мировоззрения, ибо основной заботой КПСС как организации была консервация, задержка развития общества, постоянное возвращение его назад. В то же время, эта консервация всегда была условием для сохранения левой идеологии.

Спектр политических организаций и политической мысли, для которого характерен антипараллелизм идеологии и мировоззрения, будет далее называться «общественным спектром» (в отличие от нормального спектра,

на котором обе оси параллельны). Начало обращению положила сама КПСС, соединив «правую» политику (мировоззрение) с «левой» идеологией. В условиях тоталитарной системы КПСС стала монопольным (и при том — фальшивым) ориентиром для политической жизни общества, относительно которого оценивались и все другие позиции. Даже противники КПСС были глубоко зависимы от нее (и в этом — существо тоталитаризма). Они вынуждены были отрицать КПСС во всех ее проявлениях и, следовательно, занимать позицию «как можно более противоположную», то есть столь же фальшивую.

Сегодня КПСС быстро утрачивает свое монопольное положение. Практически, дело не ограничивается расширением старого политического мира, вращавшегося вокруг «Партии». Появляется **новый**, альтернативный старому, политический мир со своей собственностью, новой инфраструктурой.

С переходом от ориентации «на КПСС» к ориентации на большой (по крайней мере — европейский) политический мир исчезает феномен «обращенного спектра». И вот мы наблюдаем появление **нового** (в сущности, старого), **нормального** политического спектра.

«СССР ОБРЕЧЁН НА ЗАГИБЕЛЬ»

Прилагаемый ниже документ — копия письма в редакцию херсонской газеты «Наддніпряньська правда», написанного в мае 1929 года, — шестьдесят лет пролежал в спецхране областного архива, рассекречен в 1990 году. Письмо представляет собой итог исследования южных регионов Украины западными социал-демократами. В 1929 году и позднее документ не публиковался.

Сергей СКРЫЛЬ,
историк

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «НАДДНІПРЯНСЬКА ПРАВДА»

Мы, иностранные моряки, представители Германской, Английской и Французской партий Социал-демократов, — члены международной организации. Прибыли в СССР с целью проверить лично всё распространяемое на Западе о положении дел в Советском Союзе... Мы удостоверились в крайне бесправовом состоянии и рабочего, и крестьянина в Советском Союзе. Лично обследовав пригородные села, мы убедились из опроса крестьян, каким насилиям и преследованиям подвергаются и религия, и все без исключения слои населения. Мы встречали бродящих в степи (в жестокую стужу среди зимы) обезумевших крестьян, разоренных и

выгнанных из своих лачуг. Некоторые из них, как дикие звери, целыми семьями живут в вырытых норах, пещерах. То, как и чем они живут, они поведали нам, и мы с ужасом внимали их кошмарным рассказам, до чего довела страну Советская власть... Вместо того, чтобы вести политику умиротворения и приведения в порядок национального хозяйства и экономических «достижений», проповедуется человеконенавистничество, и не знаем, что лучше, — или национальная неприязнь или классовые бои, и думаем, что все равно — кровь... Мы увозим с собой советские газеты с десятками публикаций, где дети отрекаются от отцов своих, отцы от детей, священнослужители богохульствуют, снимают с себя саны, лишь бы дети их не были гонимы и не умерли с голоду... Возвращаясь в город на свой пароход, мы проходили

* С незначительными сокращениями. Орфография оригинала в основном сохранена. — Ред.

мимо бывших хлебных амбаров в степи за городом. Из амбаров доносились плач и крики обезумевших крестьян, которых на попытки бежать из амбаров,— вновь загоняли ударами прикладов и штыков. Мы узнали, что амбары набиты битком крестьянами, которых в стужу держат в нетопленных сараях. Дети и женщины умирают от стужи и голода, мужиков расстреливают, отводя на несколько саженей от амбаров. Мы лично видели разрытые голодными собаками ямы, из которых торчат обглоданные животными части наспех засыпанных мерзлой землей трупов. Мы сделали несколько снимков, которые опубликуем с соответствующим пояснением в Западной прессе. И так мы уезжаем с тяжелым чувством, мы вынуждены будем рассказать правду о Советском Союзе. И сожалеем, что ничего не можем сказать хорошего о «родине

пролетариата». Мы глубоко убеждены, что под руководством компартии большевиков СССР обречен на гибель. Единственное спасение СССР — устранение компартии от верховной власти, управления и создание смешанного правительства, избранного народом.

С глубоким уважением,

секретная делегация для обследования районов Украины. Международная социал-демократическая организация Запада с иностранного судна.

Ф_р × 2, оп. 4, д. 117, л. 204—205
Архивная копия верна:
И.О. директора госархива
области Л. И. МАНАНЦЕВА.

Заведующий отделом
публикаций А. Н. НАЗАРОВА.

Механизм дестабилизации:

ЧТО И КТО ДЕЛАЕТ НАШЕ ОБЩЕСТВО НЕСТАБИЛЬНЫМ

Розалина РЫВКИНА,
доктор экономических наук,
Леонид КОСАЛС,
кандидат экономических наук

Стабильность общества — это устойчивость социального порядка. Это защищенность людей от нарушения их прав. Это сохранность жилья и имущества, уважение достоинства личности. Все это важнейшие социальные ценности любого общества. По своей значимости они близки к ценности жизни. Поэтому угроза потерять стабильность общества — это угроза самой жизни людей, и важно понять, откуда она исходит. Об этой опасности в последнее время говорят и пишут много, она как бы носится в воздухе, мы ее постоянно ощущаем. О ней напоминают забастовки, национальные конфликты, политические баталии.

«Патриоты» считают, что дестабилизируют советское общество сионисты. Многие возлагают вину на «коррупцированные элементы». Аппаратчики утверждают, что виноваты демократы и пресса. Демократы гово-

рят, что виноват правящий аппарат. Те, кто пугают нас стихийными выступлениями масс и гражданской войной, оплакивают утрату стабильности в доперестроечном смысле — стабильности застойного общества и действовавшей в нем административной регламентации жизни. Оплакивая гибель этого порядка, ищут виновных. Естественно, что с этих позиций виноваты те, кто пытается порушить «порядок» — внедрить рынок, демократизировать политическую жизнь, создать правовую основу общественных отношений. Логика такая: кто за новое, тот навлекает гражданскую войну. Поэтому -- ату их! Давайте вернемся в наше хоть и не богатое, зато тихое и мирное болото. Где никто нас не тронет и не осудит.

Однако ясно, что не меняться наше общество не может. Перемены в нем уже идут, и некоторые из них необратимы. Но действительно ли мы стоим

перед альтернативой: возврат или стихийный взрыв? Действительно ли обновление общественной жизни должно быть сопряжено с губительной для людей потерей общественной стабильности? Кто авторы этой альтернативы? В чьих интересах усиливать дестабилизацию общества? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Обновление советского общества привело к тому, что многие традиционные для СССР ценности, многие стереотипы поведения и ранее действовавшие запреты оказались устаревшими. Их стали вытеснять новые ценности и модели поведения. Действительно устарел, например, институт соцсоревнования, принципы подбора и продвижения руководящих кадров, сложившиеся правила функционирования «сети партийной учебы» и идеологической работы, многие нормы партийной жизни, принципы взаимоотношений начальников и подчиненных. Понятно, что ненужными оказываются многие из тех, кто проводил все эти устаревшие сегодня виды занятий, организовал их. Но кому охота быть списанным, остаться не у дел? Отсюда — борьба разных групп общества за свои ценности и интересы. Борьба за сохранение тех организаций и того социального порядка, с которым эти группы связаны.

На сегодняшний день ясно, что те ценности, тот социальный и политический порядок, те формы экономических отношений, которые были созданы руководством КПСС, полностью себя изжили, по крайней мере, в двух смыслах. Во-первых, в том, что старый порядок, основанный на идеологической платформе КПСС, марксизме-ленинизме, завел страну в

тупик. Во-вторых, от этих ценностей отвернулся народ: люди более не верят, что традиционные ценности советского социализма можно воплотить в жизнь.

Установить последнее нам помог опрос читателей, проведенный в апреле 1990 года «Сибирской газетой» (было получено около тысячи заполненных анкет в основном от наиболее образованной и политизированной части читателей). Опрос был посвящен отношению населения к КПСС, проекту Платформы ЦК к XXVIII съезду, а также к традиционным ценностям советского социализма.

Это не был обычный социологический опрос, когда отбирается каждый 5-й, 10-й или 20-й житель, работник отрасли или предприятия. В таких опросах по полученным ответам обоснованно судят о характеристиках (например, мнений) всей изучаемой совокупности жителей или работающих. В нашем случае опрос был совсем другим. Ответили лишь те, кто поинтересовался газетой, в которой была анкета. Причем ответили на нее, конечно же не все, кто взял в руки газету, а лишь самые активные, самые образованные и интересующиеся политикой люди. К тому же имеющие свою собственную политическую позицию. Хотя мнение этих людей не отражает мнения всего населения страны, знать его очень важно. Ведь именно такие люди во многом влияют на состояние общественного мнения:

Один из вопросов звучал так: «Реально ли осуществление классических лозунгов советского социализма?» Были получены следующие ответы (%):

Удастся ли реализовать лозунги	Да	Нет	Не знаю	Итого
Власть — Советам	19	73	8	100
Фабрики — рабочим	17	76	7	100
Земля — крестьянам	26	67	7	100
Свободное самоопределение — нациям	24	69	7	100

Более того, люди больше не верят, что под руководством КПСС можно достичь социальных целей, декларированных в партийных документах. Вот полученные ответы (%):

Удастся ли обеспечить	Да	Нет	Не знаю	Итого
Нормальный уровень благосостояния	11	80	9	100
Нормальные жилищные условия	9	88	3	100
Качественное медицинское обслуживание	9	84	7	100
Уменьшение загрязнения окружающей среды	12	78	10	100
Защиту личности и политические права, свободу слова и совести	13	75	12	100

Неверие в декларируемые КПСС ценности, естественно, привело к резкому отчуждению народа от самой партии. Из опрошенных нами читателей «Сибирской газеты» только 1% считает, что доверие к КПСС не подорвано. На вопрос «Можно ли восстановить доверие народа к партии и что для этого требуется?» ответы получены такие (%):

Доверие народа к КПСС восстановить невозможно	45
Можно путем	
— самороспуска и создания новой партии	5
— возвращения КПСС к исходным принципам советского социализма	2
— чистки рядов	7
— обновления аппарата	10
— демократизации внутрипартийной жизни	19
— укрепления связи партии с массами	11
Доверие к КПСС не подорвано	1

Читатель спросит: «Что же, по вашему мнению, советские люди больше не верят в социализм и коммунизм? Ведь это же противоречит многим фактам!» Да, действительно, немалая часть населения продолжает верить в идеи социализма. Но, во-первых, это относится, в основном, к старшему поколению. Во-вторых, вера может быть разной. Вера советских людей в социализм была «замешена», с одной стороны, на очернительстве стран «капитализма», а с другой — на впитанном с молоком матери мифе о том, что свобода, равенство, отсутствие эксплуатации, просто нормальные условия жизни — все это возможно только при социализме, причем лишь в советском его варианте. Понятие «социализм» в сознании советских людей прочно связалось с комплексом тех условий жизни, которые давно уже имеются во всех современных цивилизованных странах.

В-третьих, наша вера в социализм и коммунизм в огромной мере сформировалась под влиянием отсутствия каких-либо политических альтернатив. Попробуй не верить в социализм, когда ничего кроме борьбы за социализм вокруг тебя нет. Когда живешь в атмосфере непрерывного восхваления социализма в СССР, пропаганда его невероятных преимуществ. Когда со всех стен и потолков, из всех президиумов, газет и журналов — отовсюду на тебя глядят, зовут, призывают одни и только одни лозунги, проповедующие марксизм-ленинизм. Массированная идеологическая обработка, которой подвергался каждый советский человек, начиная с 4—5 лет, приводила к тому, что большинство населения СССР стало привержено социалистическим ценностям.

Однако эта приверженность не со-

ставила у огромного числа людей глубоких убеждений, сформировавшихся с помощью личных усилий, долгих раздумий и сопоставления альтернативных точек зрения. Каждый получал ее как бы «задаром». Нужно было только не сопротивляться идеологическому гипнозу партийно-государственного аппарата. В результате почерпнутые из одного источника социалистические убеждения оказались весьма неглубокими, поверхностными и при первых «порывах» гласности у значительной части населения стали развеваться, как дым. Соответственно начался отход от социалистических ценностей и от КПСС как их основного выразителя.

Это выявилось в ответах на вопрос «Если из ныне существующих организаций возникнут политические партии, то за кандидатов какой из них вы будете голосовать?» (%):

КПСС	15
Демократический союз	26
Демократическое движение	22
«Зеленые»	15
«Память»	3
Союз рабочих	12
Другие	33

(Так как опрошенные могли назвать более одного варианта ответа, то общая сумма не равна 100%).

Надо сказать, что критическое отношение людей к КПСС выявлено не только нами, но и в других исследованиях. Так в опросе ВЦИОМ, проведенном в феврале 1990 года, задавался вопрос: «Как вы думаете, повысился или понизился авторитет КПСС за последние 2—3 года?» Ответы получены такие: повысился — 5,8%, понизился — 80,7%; остался на прежнем уровне — 7,8%; затрудняюсь ответить — 5,6%.

Однако еще недавно у КПСС был шанс вернуть доверие народа и, сле-

довательно, удержать свои политические позиции. Такой ответ дали 55% опрошенных нами людей. Причем люди называли конкретные меры, с помощью которых партия могла реабилитировать себя в глазах народа.

Как видно, еще совсем недавно перед КПСС было два пути. Первый — демократическое обновление: создание на месте дискредитировавшего себя «авангарда» новой политической партии парламентского типа. Второй путь — сохранение монополии на власть любыми средствами.

События последних месяцев заставляют думать, что руководящий аппарат выбрал второй путь. В самом деле, вместо того, чтобы, воспользовавшись доверием немалой части общества обновить свой идеологический арсенал и свою организационную структуру, радикально изменить стратегию по отношению к другим политическим силам, установить конструктивные связи с ними, скорректировать свои функции — вместо всего этого руководство КПСС заняло позицию, которая нам кажется неконструктивной. На словах принимая критику, оно на деле стало осуществлять курс «сохраним власть любой ценой».

Методы используются разные: создаются новые организационные структуры (яркий пример — проведение учредительного съезда КП РСФСР), которые в своем зародыше являются мертворожденными. Мобилизуются группы поддержки (типа Крестьянского союза), призывающие массы к сохранению идеалов социализма, к верности коммунистическим принципам. Возникают блоки с крайне правыми силами. Делается все это ради одного — сохранения монополии руководства КПСС на политическую власть. Но отсутствие со стороны этого руководства достаточно

конструктивных перестроечных действий ведет к противоположным последствиям: КПСС теряет остатки доверия масс.

Поведение руководящего аппарата КПСС понять можно. За многие десятилетия безраздельного господства он привык к тому, что конкурентов на власть в стране нет. Привык считать, что любые действия единичных непокорных интеллигентов — несерьезны. Ибо не могут поколебать пьедестала партийной власти. Не случайно все инакомыслящие, все политические оппоненты получали нелестные названия — тунеядцы, отщепенцы, диссиденты. Сегодня другое: появились новые политические силы, которые хотя еще и не столь сильны, но по крайней мере реальны и, главное, набирают силу.

В борьбе с ними правящий аппарат КПСС вольно или невольно оказывается силой, которая дестабилизирует общество.

Как это получается? Желая любой ценой сохранить власть, этот аппарат противится сколько-нибудь серьезным переменам. Таким, как реальное самоопределение наций, частная собственность на землю, ликвидация многоэтажной управленческой пирамиды. Охраняя старые структуры и принципы, он сталкивается с теми, кто пытается внедрить новые структуры и новые принципы. И здесь-то этот самый аппарат начинает действовать как дестабилизирующая сила.

Что такое социальная дестабилизация? Она имеет две характеристики. С одной стороны, старая власть утрачивает способность управлять страной, ее приказы перестают действовать на тех, кем она управляет. С другой, новая власть еще не сложилась, ее приказы еще не имеют силы закона, не поддерживаются большинством населения. В этой ситуации

становятся возможными любые беззакония, массовые нарушения прав человека. В ситуациях нестабильности любая хорошо организованная политическая сила может захватить власть в стране.

Но дестабилизация отнюдь не предполагает только преднамеренных разрушительных действий. Она может возникнуть и вследствие бездействия власти, непринятия ею требуемых конструктивных мер. Более того, она может возникнуть как следствие неправильных, некомпетентных действий властей, хотя и предпринимаемых с самыми добрыми намерениями.

Ход обновления советского общества показывает, что правящий аппарат дестабилизирует социальную ситуацию тройко.

Во-первых, путем акций политического характера, прямо провоцирующих конфликты между разными слоями общества. Во-вторых, в результате бездействия, псевдодеятельности или некомпетентных действий в сфере экономики. Наконец, в-третьих, через идеологическую дезинформацию населения с целью запретительных мер против назревающих преобразований.

Приведем некоторые примеры способов дестабилизации аппаратом социальной ситуации в стране.

Первый (через прямые политические акции) проявился в конце февраля 1990 года, когда аппарат настраивал население против демократических митингов. По радио, телевидению, в прессе делались заявления о якобы готовящихся погромах. На предприятиях велась агитация рабочих, чтобы не выходили на улицу. Медиков предупреждали о том, что ожидаются многочисленные жертвы. По существу, в стране нагнеталась психологическая атмосфера граждан-

ской войны. К счастью, народ оказался более здравомыслящим и зрелым, чем полагали организаторы этой провокации.

Второй способ наблюдается в каскаде законов и положений, касающихся экономической реформы, но не вносящих в экономику никаких значимых изменений. Развивается бурная законодательная деятельность, создается множество новых неплохих законов и нормативных актов. Но когда дело доходит до их реализации, которую должна обеспечить исполнительная власть, все замирает, требуемых условий не создается, новые процессы в обществе не возникают. В самом деле, ничтожно мало фермерских хозяйств. Кооперативы находятся в полуоцепеневшем состоянии, постоянно ожидая новых запретов со стороны власти. Условий для действия новых политических партий в стране по-прежнему нет.

«Активное бездействие» власти дестабилизирует ситуацию в стране потому, что оно происходит в условиях постепенного распада традиционных структур административного управления экономикой и обществом. Действительно, на предприятиях, в трудовых коллективах нарастает дезорганизация. Противостоять этому могла бы активная политика исполнительной власти по созданию условий для реализации новых законов, принятых Советами. Однако фактически исполнительная власть находится под контролем аппарата КПСС и дискредитировавшей себя идеологии.

Налицо паралич исполнительной власти (или принятие ею мер, идущих вразрез с новыми законодательными актами Советов). В результате на предприятиях все чаще возникают критические ситуации, связанные с обострением тех или иных конкрет-

ных проблем (дефицитом сырья и материалов, тяжелым финансовым положением и др.), разрешить которые в рамках старой административной системы невозможно. И в то же время правительство медлит с созданием новых условий хозяйствования, с введением рыночной системы. Выход из таких ситуаций работники предприятий находят в расширении операций на теневом рынке, а это усиливает дезорганизацию. Естественно, продолжается падение уровня жизни населения, не осуществляются его ожидания, разбухшие в начале перестройки. В ситуации крепнущего рабочего движения, когда требуются активные правительственные акции, бездействие власти провоцирует «низы» на крайние меры. Это хорошо видно на примере выступлений шахтеров. Невыполнение правительством их основных требований не оставило шахтерам никаких других путей, кроме забастовок и требований отставки правительства, не выполняющего своих собственных решений.

Надо видеть глубинную причину такой дестабилизации. Она вызвана не «выступлениями экстремистских элементов», не «групповым эгоизмом трудовых коллективов», а стремлением руководящего аппарата любой ценой сохранить свою власть.

Конечно, вызывают дестабилизацию и некомпетентные действия правительства, совершаемые им в соответствии с традиционными нормами административной системы управления, невзирая на то, что страна находится в новой ситуации. К числу таких действий относится намерение правительства ввести «регулируемый рынок» с помощью административного повышения цен на продовольственные товары. Надо сказать, что если концепция регулируемого рынка будет реализована на практи-

ке, опасность дестабилизации из-за действий правительства сохранится и на перспективу. Сохранится в силу полного неумения правительства регулировать рыночные отношения (в скобках заметим, что выходом здесь было бы создание со стороны государства начальных условий для рыночной экономики и далее — минимально возможное вмешательство в работу рыночного механизма).

Третий способ дестабилизирующего влияния со стороны аппарата управления — идеологические мифы. Это — своеобразный инструмент блокировки назревших мер, требуемых обществом. Например, многие десятилетия аппаратом и его идеологами насаждался миф о губительности для общества частной собственности. Насаждалась идея о том, что она обязательно приводит к обнищанию масс. Говорилось, что «народ против частной собственности», не отдаст «наших завоеваний» и не примет частной собственности. Утверждая это, боролись с личным подсобным хозяйством, хоронили рыночные проекты преобразований советской экономики.

Как же на самом деле относятся люди к идее частной собственности, в самом ли деле боятся ее, как чумы? В уже упомянутом опросе читателей «Сибирской газеты» был задан вопрос о том, можно ли разрешить в стране частную собственность. Ответы распределились так (%):

Можно разрешить частную собственность	83
Нельзя	11
Затрудняюсь ответить	6

Торможение экономических преобразований под различными идеологическими лозунгами в конечном итоге ведет к накоплению недовольства масс и провоцирует их на

выступления против власти. Думаем, что неприятие идеи частной собственности и пропаганда аналогичных идеологических догм вызваны не непонятливостью аппарата и даже не его невосприимчивостью к новым идеям, а совсем другим — боязнь потерять монополию на власть.

Итак, руководящий партийно-советский аппарат вольно или невольно дестабилизирует социальную ситуацию в стране. Мы ожидаем возражения: мол, прошел XXVIII съезд КПСС, после него ситуация стала более стабильной. Стала ли? Нам кажется, что нет. Если внимательно читать в содержании принятого Программного заявления «К гуманному, демократическому социализму», то убедимся, что он написан хотя и самокритично, но чрезвычайно поверхностно. С одной стороны, партия признается в том, что «некоторые решения и действия руководства партии и страны в последние годы оказались слабо проработанными, непоследовательными, а в ряде случаев просто ошибочными». Дается длинный перечень таких действий: диктатура партийно-государственной верхушки от лица пролетариата; отчуждение человека от собственности и власти; произвол и беззаконие; просчеты в инвестиционной и экспортно-импортной политике, в борьбе с нетрудовыми доходами, в организации кооперативного движения.

С другой стороны, в заявлении трудно найти ответ на вопрос, как, за счет чего, за счет каких новых экономических и социальных резервов авторы надеются практически осуществить свои благие намерения. В каждом пункте — десятки благих целей и... полное отсутствие указаний на какие-либо средства, источники и

способы решения проблем. Не названо ни одно экономическое преобразование, которое можно было бы признать действительно серьезным источником для «превращения трудящихся в хозяев производства», для создания «сильной мотивации высокопроизводительного труда», о которых многократно упоминается в тексте. А если нет новых подходов, если есть повторение пройденного, не вскрыты причины ухудшающегося экономического положения — при всем при этом сохранение КПСС у власти остается фактором, который и дальше будет дестабилизировать обстановку.

В упоминавшемся выше обследовании ВЦИОМ задавался вопрос: «Как вы считаете, кто в первую очередь несет ответственность за сложившееся в стране кризисное положение?»

37% считают, что ответственность несут бывшие руководители страны; 29% — что нынешнее руководство. Для сравнения: «экстремистов» и «националистов» упомянули лишь 6% опрошенных, деятелей «теневой экономики» — 7%. Так что общественное мнение оценивает причины нарастающей дестабилизации достаточно ясно.

Сейчас порой приходится слышать сравнения нынешней ситуации с кануном революции 1917 года. В какой-то мере эта аналогия верна, но с одной существенной поправкой: сейчас основная опасность дестабилизации исходит не от рвущихся к власти нелегальных или полунелегальных партий, а от старых, отживающих структур, боящихся эту власть потерять. Только, к сожалению, конечный результат может быть один и тот же. Как бы не наступить второй раз на одни и те же грабли.

В ПРЕЖНЕЙ МОРДОВИИ

В. АБАНЬКИН

ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

... Проснулся я от стука разбушевавшегося дождя. Все заключенные спали. Только Юра Галансков сидел на корточках, пригнув голову к коленям, и качался маятником. У Юры были две язвы: двенадцатиперстной кишки и желудка. Я встал и спросил шепотом: «Юра, дать воды? Может, лекарство какое?» И погладил его по плечу. Взяв кружку, я вышел в коридор. Барак во сне сопел, храпел, стонал. В слабоосвещенном коридоре, перед мышинной норой сидел бывший полицейский. В руке — короткая палочка с гвоздем. Если мышь высовывалась из норы, он тут же протыкал ее, потрошил, жарил на костре и кормил свою кошку.

...Когда вроде последние силы иссякают, доброта человеку новый порох дает. Эти старики — полицаи и власовцы — когда-то творили одно зло, но все-таки добро тайлось в запасе. И вот пришла старость, да еще в лагере, и многое в жизни переоценено.... Этот вот кошку завел. Если она уляжется на его койке, он ее ни пальцем, — пускай себе блаженствует. А сам подушку осторожно возьмет и пойдет дремать на лавочку да еще нас попросит, чтоб не шумели...

(Когда несколько стариков поддержали нашу голодовку в знак протеста против издевательств и унижений, надзиратели переловили кошек, единственную привязанность этих людей, посадили в мешок и бросили в топку котельной. Тут уж мы встали на защиту полицаев.)

И во мне тоже тосковало добро. Все годы, проведенные в тюрьмах и лагерях, я постоянно испытывал на себе насилие и произвол. Никогда не забуду этапный бокс горьковской тюрьмы. Грязные стены, заблеваный кровью угол, а на стене, по грязной шубе (шуба — специально сделанные на штукатурке неровности, чтобы нельзя было ничего писать) кровью кто-то вывел слова, ввевшиеся в память на всю жизнь: «Будь проклят тот отныне и до века, тюрьмой кто хочет исправить человека». Меня решетка и колючая проволока «воспитывали» целых двенадцать лет...

* * *

В тот день, 2 июня 1962 года, я, шестнадцатилетний житель Ростова-на-Дону, возвращался домой с тренировки по плаванию.

Вдруг — гром среди летнего неба — унижение обыска. Четыре раза останавливали меня на улицах чекисты и дотошно перетряхивали мою спортивную сумку.

Позднее я узнал, что в этот день прогремели выстрелы в Новочеркасске, и кровь человеческая лилась там прямо на площади Ленина, у подножия памятника вождю пролетариата. И у нас, в Ростове-на-Дону, моментально ввели «режим повышенной бдительности». За углами прятались «черные вороны». Я видел, как людей хватили прямо напротив обкома КПСС. Слухи из города-мученика шли самые ужасные, и в Ростове пахло бунтом — я дышал им, ощущал его, осязал.

Жажда мести затмевала во мне все другие чувства. В магазине «Динамо» купил четыре пачки пороха — тогда он продавался свободно — и стал тайком делать бомбу, чтобы подбросить ее... в обком КПСС. Отец успел помешать мне... Отец был военный моряк, капитан 3-го ранга, военный инженер. Три брата служили в Военно-Морском Флоте, старший из них стал адмиралом, заместителем командующего ВМФ СССР. Еще до войны отец, по его словам, умолял брата-адмирала помочь ему проникнуть в окружение Сталина, чтобы убить тирана. Но тот отказался, братья поссорились и долго не виделись.

Однажды ночью я нечаянно подслушал, как отец говорит обо мне со своим другом. «Боюсь я за него, — шептал он вздыхая. — Весь в мать пошел. Как бы не кончил тем же, что она». Тут я только узнал, что мать моя не умерла во время родов, как меня уверяли: ее схватили на

вокзале в Ейске, когда она распространяла листовки против Сталина...

Ученье пришлось бросить, и я пошел в плотники на судоремонтный завод, а оттуда был призван в армию. Меня направили служить в Германию. С первых же дней в полку я стал рассказывать солдатам о Новочеркасске. В зеленой ученической тетради я записал три своих стихотворения, в которых призывал народ вспомнить о новочеркасских жертвах и отвоевать свободу, которая «не дается даром, как плод упавший с неба».

Тетрадь моя тайком ходила по рукам у солдат. Но однажды она попала в руки старшины, и я вынужден был бежать из части. Вместе с ближайшим товарищем Виктором Чесноковым я решил уйти в Западный Берлин. Трое суток пробирались мы к границе. Но у нейтральной зоны нас задержали пограничники ГДР. На суде я сказал, что не Родине изменил, а власти, которая не имеет права отожествлять себя с Родиной. Виновым себя я так и не признал, да это никого и не интересовало. Мне дали 12 лет, Чеснокову — одиннадцать...

* * *

...Набрал я воды и понес Юрке, он выпил пару глотков. За окном ветер еле шевелил деревья. Гроза проходила. Я помог Юре подняться с пола, и мы вышли в коридор. Он закурил. (Он считал, что от никотина ему легче.) Не успел Юра выкурить сигарету, как на пороге появился надзиратель: зэков было положено пересчитывать по несколько раз за ночь. Особенно часто проверяли тех, у кого на деле была наклеена красная полоса: это означало — «склонен к побегу». Мне

такую полосу поставили с самого начала срока, и ночью светили в лицо фонарем, щупали — не кукла ли, не ушел ли?..

— Ну-ка, по койкам, нечего здесь тусоваться,— прогундосил надзиратель, гремя сапогами.

— Слушай, старшой,— обратился я к нему,— вызови-ка врача, а потом проверь хоть до утра.

...Юра, между тем, снова сел на пол. На твердом ему было немного легче, чем на кровати. Часто просыпаясь ночью, я видел на фоне окна его голову—значит, совсем плохо, раз на полу сидит. И вставал, чтобы хоть своим присутствием помочь ему переносить боль. Поднимались со мной и другие: Николай Иванов и Владлен Павленков, и Гера Гаврилов....

Мы видели, что Юра, угасает, но помочь не могли, и от этой беспомощности все внутри немело. Да, мы не раз писали жалобы, голодали, требуя, чтобы Галанскову смягчили меру наказания или хотя бы взяли всерьез за его лечение — все было тщетно. Юру отправляли в больничку и, подержав пару недель на каких-то таблетках, привозили назад. Дорогу в тот госпиталь мы называли дорогой смерти: она шла по лесу, и «воронки» так кидало по ухабам, что не каждый морской волк выдержал бы такую болтанку. Понятно, от такого лечения Галансков лучше не становилось — просто боли ненадолго утихали.

— Слушай, зови врача! Кончай свою проверку!

От шума многие проснулись. Не понимая, что происходит, ругались. В лагере я слыл «агрессивным». Не раз, защищая справедливость, очертя голову бросался в бой.

...Надзиратель струхнул и пошел на

вахту. Тут же прибежал дежурный офицер.

— Что, опять за старое, бунтуешь все?

Иванов и Павленков оттащили меня в сторону, чтобы я не бросился на офицера. Врач в зону так и не вошел. Согнутого от боли Галанскова повели на вахту. Там эскулап определил, что у Юры обострение язвенной болезни.

На другой день мы объявили голодовку на день в знак протеста против содержания в лагере тяжело больного. Написали жалобы и заявления в разные инстанции. И все тщетно: остановить машину зла было выше наших сил.

* * *

...Утром, после грозы, надзиратель нашел на тропинке в зоне лагеря мокрого, нахлившего совенка. Видно, сильным ветром выбросило птицу из гнезда. Надзиратель был из добрых—так и не отыскав гнезда, он принес совенка нам. Какая была радость! Мы, отрезанные от жизни, имеем птицу—лесную, живую и такую красивую! Я взял в ларьке картонную коробку из-под каких-то консервов и посадил в нее совенка, налил в баночку воды. Совенок испуганно оглядывал нас, вбирая голову в крылья. Все были озабочены одним: что станет с птенцом дальше, как вырастить его на нашем убогом лагерном пайке? Мяса мы и сами не видели, но у кого-то оказалась банка рыбных консервов. Я стал кормить совенка, раскрывая ему клюв пальцами. Потом напоил его водой и прикрыл коробку. Надо было, чтобы он хорошо обсох и поспал.

Настало время обеда. Я, как обычно, нарвал лебеды, порезал,

посолил и с такой приправой к лагерному борщу отправился в столовую. (Так делали все, потому что витаминов мы никаких не получали. А лебеду есть можно, мы где-то вычитали, что она не уступает некоторым овощам по содержанию витаминов.) В столовой я бросил клич: все для совы — и что началось! То один, то другой подбегали ко мне и отдавали мясные ниточки, попавшиеся в борще. Так почти со всех я собрал около пятидесяти граммов мясных нитей.

Около совенка уже толпились старики и молодежь. Я открыл коробку, погладил птицу по головке и стал совать ей в клюв скрученные шариком мясные ниточки. Совенок жадно глотал. Все замороженно глядели.

Вдруг после очередной порции совенка сам открыл клюв: раз берет пищу из рук, значит, доверяет. «Ну, Абанькин! Ну, дрессировщик!» — ликовали все.

Потом я посадил совенка на палец. Он обхватил его лапками и сжал когти. Было больно, но я терпел. С любопытством, уже не таясь, птица разглядывала людей.

* * *

В понедельник мы начали голодовку в защиту Галанскова. А вскоре ко мне на свидание приехал отец. Я должен был передать ему записку для моих друзей с адресами наших единомышленников. Только как ее принести? На свидание вызывали неожиданно, и мне приходилось, постоянно рискуя, носить бумажку с собой.

И на этот раз все получилось вдруг — меня дернули прямо с работы. Я шел между двумя надзирателями и лихорадочно думал, куда спрятать этот бумажный клочок? После обыска выдавалась одежда дома свиданий, а личная отбиралась и просматри-

валась, из своего оставалось только нижнее белье.

Человек я рисковый и не привык ломать долго голову, раз опасность на носу. Зажал бумажку между большим пальцем правой руки и ладонью, благо, что записка была маленькой. Мне приказали раздеться. Я тут же начал препираться с надзирателем и офицером, стараясь вывести их из равновесия: у разгневанного человека слабеет внимание. (Но нельзя было и переборщить — запросто могут лишить свидания!)

Пока я раздевался догола, вошли оперуполномоченный и начальник режима. Они по очереди стали заглядывать мне в рот, в уши, заставили приседать. Нагнувшись, я ждал, пока все исследовали мой зад. Все во мне кипело. Ненависть и презрение к этим извергам не имели границ...

— Что вы там ищите? Коммунизм увидели?

Это их сразу завело. Начальник режима зло бросил: «Абанькин, доболтаешься, гляди, в зону пойдешь!» Я продолжал стоять нагнувшись, хотя осмотр был закончен.

«Опер» и «режим» вышли, хлопнув дверь. Мне дали одежду дома свиданий. Конечно, я очень рисковал, но записку я все же пронес.

Отца обыскивали так же, как и меня. 60-летнего капитана 3-го ранга в отставке раздели донага, заставляли приседать, заглядывали в рот, в уши. После свидания я написал заявление, что отказываюсь от встреч с родными в знак протеста против унижения человеческого достоинства при обыске. Отцу я запретил приезжать, и с тех пор его больше не видел.

(Это было мое второе и последнее свидание с отцом. Он умер за десять месяцев до моего освобождения. Он никогда не осуждал меня. Раз даже пошутил,

что сам скоро окажется в одном лагере со мной, и я, как мог, уговаривал его не приносить себя в жертву...)

Через несколько дней один из надзирателей сказал нам тайком, что слышал, как «Голос» передавал о Галанскове, о голодовке в лагере, о беззакониях. Мой отец выполнил все, что надо...

* * *

...Дни шли за днями. Сова уже стала крупной птицей, и само собой получилось, что все стали звать ее Софушкой. Она радовалась каждому, кто заговаривал с ней. Но я боялся, что когда-нибудь и ее постигнет участь лагерных кошек, и потихоньку учил сову летать. Сжал ее на палец, поднимал руку вверх и опускал к земле так резко, что она поневоле расправляла крылья и взмахивала ими. Солдаты с вышек с любопытством наблюдали за нами.

Потом я стал расставлять от барака до барака табуретки. Сжал сову на перила веранды жилого барака и стал кивал. Она летела до первой табуретки. Потом я стал кивал ее опять, и она летела до второй. Скоро сова пролетала уже все расстояние без посадок.

...Однажды я шел из лагерного ларька. Вдруг кто-то тяжело хлопнул меня по плечу. Повернув голову, я раскрыл рот — на левом плече сидела сова и заглядывала мне в глаза...

* * *

За машинками мы шили рукавицы. Норма — 65 пар в смену, потом ее подняли до 72 пар, а еще позже — 75. Нормы поднимались, как и везде по стране, с грубым нарушением КЗОТа. Мы, конечно, жаловались, но никакого ответа не получали. Дешевле козы обходится экз государству.

Галанскову опять стало плохо, и мы добились, чтобы его отправили в больницу. Существенного лечения там не было, но уже того, что он две недели не работал, шло ему на пользу.

* * *

Пошли слухи, что нас скоро вывезут из Мордовии. Информация из лагерей все-таки просачивалась на волю, и в самых высоких кругах было принято решение убрать наиболее активных политических заключенных в глубь страны, в Пермь. В Мордовии мы все-таки притерлись за годы к надзирателям, к администрации, а на новом месте все началось сначала: усиление произвола, ужесточение режима...

...Прощай, наконец, лагерь № 17 Мордовской АССР. Зачитали нам списки уезжающих. Собрали мы вещи и обнялись с теми, кто оставался: с Галансковым, Ивановым, Павленковым и другими нашими ребятами.

* * *

...Недолго оставалось мучиться Юре Галанскову. 4 ноября 1972 года у него случилось прободение одной из язв. Повезли его в больничку, но не в скорой помощи, а в «воронке», по той самой ухабистой дороге, которая и здоровому все внутренности отбивала.. Узнав о смерти Юры, мы в Перми собрались за большим столом.

Пели «Черный ворон», а надзиратели кричали и растаскивали нас. Но злая песня не прекращалась, и они растерялись, отступили. Стоя в стороне как побитые, исподлобья они смотрели на нас.

...А сова и дальше жила в 17-ом.

АНОМАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Социализм отмирает, но его ментальность продолжает существовать, и пока никакой другой способ осмысления реальности не приходит ей на смену. Это, наверное, и невозможно. Ведь категории диалектической философии и политэкономии, освоенные в детском саду и школе, в институте и в системе политечебы, засели в сознании, стали частью личностей всех тех, кто вырос в этой несчастной стране. Вера в светлое рыночно-капиталистическое будущее у наших граждан сочетается с апокалиптическими предчувствиями и ожиданием неизбежного наказания за двойственность существования, за ставшую привычной ложь самим себе. Иррациональная вера в возможность построения социализма в отдельно взятой стране трансформировалась в рыночные суеверия, в ожидание того, что десяток политэкономов социализма, отъездивших за год в Беркли или Оксфорде, придумают, как за 500 или 400 дней сотворить прекрасный старый мир, и научно обоснуют еще один способ обмануть историю. Создатели моделей перехода к рынку (то есть ухода из нашей реальности в лучшее будущее), бывшие теоретики и практики реального социализма, оставили сейчас у нас в стране особую страту выкрестов, тех правоверных, что знают лучше самих капиталистов, что же это за общественный строй, в котором каждый действительно получает

по труду, а не по статусу в государственной иерархии.

Другие страты нашего общества уже давно не связывают с государством и его рыночной эволюцией никаких надежд и пытаются строить капитализм в отдельно взятой квартире и в ближайшем своем окружении. Но перестраивающееся государство, остающееся тоталитарным по своей сущности и никак не могущее признать за «физическим лицом» лицо юридическое, всячески вмешивается в попытки «физических лиц» просто выжить и ограничивает их попытки проявить экономическую инициативу рамками «коллективных форм организации труда», разными глупостями вроде аренды, подряда, коллективной акционерной собственности.

В результате жизнь становится все тяжелее. Теперь, наверное, уже всем ясно, что наши линии социальной жизни не имеют будущего и наше физическое существование, если и продолжится после того, как ставшее на капитальный ремонт без снятия с эксплуатации государство рухнет, то уже в совсем ином социальном качестве. Невозможность спроецировать свое нынешнее существование в предвидимое будущее и необходимость жить именно сейчас — в этом аду, где даже кусок хлеба к завтраку становится проблемой, — заставляет людей бежать от этой реальности куда угодно — в Австралию и США, в

Израиль и ЮАР или верить в благополучный исход несмотря ни на что, верить в мессию, который придет и «наведет порядок».

Поиски кандидатов на эту роль составляют содержание нашей нынешней политической жизни, и последовательная смена мучеников-претендентов на роль Моисея уже приелась. Сотворение себе кумиров по своему образу и подобию — занятие неблагодарное и примитивное — и советские люди, не могущие обойтись без возвышенного и чудесного, теперь сочтают в себе веру в Горбачева и Ельцина с верой в НЛО и таинственные явления человеческой психики, в колдунов и ведьм — в то, что Бог, Царь и Герой появятся в нужный момент и к своему освобождению им не придется прикладывать собственные усилия.

Вот данные обследования, проведенного ВЦИОМ в марте 1990 года.

Вопрос: Согласны ли вы с тем, что люди в нашей стране устали от широкого обсуждения проблем нашего прошлого и настоящего?

Совершенно согласен	41,9
В какой-то степени согласен	31,9
Не согласен	16,7
Затрудняюсь ответить	9,5

Две трети опрошенных не верят в успех перестройки (обследование проведено в апреле 1990 года).

Вопрос: Верите ли вы в успех политики перестройки в нашей стране?

Вполне уверен в успехе перестройки	20,8
Не вполне уверен в успехе перестройки	43,5
Не уверен в успехе перестройки	22,1
Затрудняюсь ответить	13,8

Но зато сколько опрошенных верят в Кашпировского, Чумака, Джуну, в колдовство, биополе, телекинез и телепатию — короче, в чудо! Состояние нашего общественного сознания не требует комментариев. Как гово-

рят врачи, больной не курабелен.

Вопрос: Верите ли вы в следующие явления, способности, события?

	верю	не верю	трудно сказать
в приметы	49,8	25,5	24,8
в возможность общения с душами умерших	11,3	64,6	24,1
в возможность перемещения предметов усилием мысли	23,0	41,3	35,7
в возможность передавать мысли на расстоянии (телепатия)	41,2	24,9	33,0
в возможность лечения болезней биополем (как Джуна)	51,6	13,1	35,5
в возможность лечения болезней телевизионной психотерапией (как А. Кашпировский)	56,7	16,8	26,7
в возможность лечения болезней (как А. Чумак)	29,0	34,0	37,2
в возможность лечения болезней гипнозом	62,5	11,5	26,2
в способность отдельных людей предсказывать будущее, судьбу по звездам, по гороскопу	41,9	23,0	35,5
в способность отдельных людей колдовать, наводить порчу	35,0	35,7	29,4
в то, что на Земле появлялись «летающие тарелки»	33,9	26,7	39,4

РОССИЙСКИЕ ДЕПУТАТЫ О СМЕРТНОЙ КАЗНИ, ДОВЕРИИ К ЛЮДЯМ И ЗАЩИТЕ ЖИВОТНЫХ

Отношение общества к смертной казни, по которому во многом можно судить о степени проявления такого качества, как жесточенность, нельзя определять, предлагая опрашиваемым выбрать односложный ответ на прямо поставленный вопрос: «за или против смертной казни». Необходим дифференцированный подход. Такая методика применялась при опросе народных депутатов РСФСР в ходе комплексного социологического исследования депутатского корпуса России.

Помимо того, что отношение депутатов к смертной казни представляет общественный интерес и весьма значимо для будущего политического развития России, оно существенно и для оценки психологического климата, формирующегося внутри депутатского корпуса. Потому ответы на вопросы, касающиеся смертной казни, сопоставлялись с ответами на вопросы об отношении к защите животных и с результатами опроса, имевшего целью установить, насколько депутаты доверяют людям.

Исследование осуществлено Цен-

тром социальных исследований «Рос-сика», созданным Социал-демократической ассоциацией и Партией Свободного Труда.

Опрос проводился 18—19 июня 1990 года, то есть в последнюю неделю работы I Съезда народных депутатов РСФСР, в Большом Кремлевском дворце. Анкеты раздавались народным депутатам, выразившим желание принять участие в опросе. Раздача и сбор анкет проходили в фойе зала заседаний Съезда.

Всего было опрошено 466 человек, что составляет 44% от общего числа депутатов, или 52% — от среднего количества депутатов, принимавших участие в голосованиях в дни проведения опроса.

Депутатам было предложено высказать свое отношение к применению смертной казни за семь преступлений. В том числе за два преступления **против личности** (умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах и изнасилование несовершеннолетних); два преступления, связанных с **организованной преступностью** (руководство мафией, корруп-

ция), и три государственных преступления (шпионаж в мирное время, заговор с целью захвата власти, покушение на жизнь главы государства).

За использование смертной казни во всех семи случаях высказалось 9%, а доля заявивших, что ни за одно из этих преступлений смертной казни применять не следует, равнялась 6%.

Последняя цифра существенно ниже аналогичных, полученных в ходе других исследований. В опросе участников I Съезда народных депутатов СССР за немедленную отмену смертной казни высказалось 24% («Литературная газета», 21 июня 1989). В репрезентативном опросе ВЦИОМ за немедленную или постепенную отмену смертной казни высказались 22% участников («Московские новости», 18 марта 1990). Однако выводы из этих сопоставлений надо делать крайне осторожно, поскольку не исключено, что различия показателей (6% против 24% и 22%) обусловлены различием методик.

Корректнее будет сопоставление данных опроса народных депутатов РСФСР с результатами исследования делегатов I Съезда шахтеров, которым предлагалось ответить на те же вопросы.

Удельный вес голосов, поданных за применение смертной казни хотя бы по одной из семи предложенных позиций, составил в среднем по группе 48% (среди делегатов I Съезда шахтеров — 45%).

Приведенная средняя цифра скрывает дифференциацию оценок в зависимости от характера преступлений. Между тем по распределению голосов, поданных в пользу применения смертной казни за определенные виды преступлений, можно судить о том, какие именно деяния являются наиболее тяжкими в представлениях депутатов и делегатов I Съезда шах-

теров. Результаты были таковы (в скобках — данные опроса делегатов шахтерского съезда).

В пользу применения смертной казни высказалось:

— за преступления против личности — 82% (81%)

в том числе:

— за убийство — 87% (75%)

— за изнасилование несовершеннолетних — 77% (81%);

- за преступления, связанные с организованной преступностью — 43% (54%),

в том числе:

- за руководство мафией — 55% (63%),

- за коррупцию — 31% (44%);

- за государственные преступления — 28% (15%),

в том числе:

- за покушение на жизнь главы государства — 33% (19%),

- за шпионаж в мирное время — 30% (16%)

- за заговор с целью захвата власти — 22% (9%).

Хотя депутаты России более строго оценивают государственные преступления, а шахтерские делегаты — коррупцию и руководство мафией, то есть те преступления, которые воспринимаются массовым сознанием как экономические и совершаемые людьми, обладающими властью, в целом и те и другие одинаково определяют степень тяжести различных видов деяний. Наиболее тяжкими представляются им преступления против личности, наименее тяжкими — государственные.

Одинаковые криминальные «приоритеты» и совпадение приведенных выше средних цифр, показывающих долю тех депутатов и делегатов шахтеров, которые считают возможным применение смертной казни хотя бы за одно преступление, позво-

ляют предположить, что настроения российских депутатов по отношению к принципиальной возможности смертной казни близки к тем, что господствуют в обществе. Число противников смертной казни относительно невелико, но ее сторонники, видимо, рассматривают её не столько как средство защиты государства, сколько как средство защиты от преступлений против личности.

Такой результат может радовать, поскольку депутаты и шахтеры считают необходимым защищать в первую очередь личность, а не государство. Однако обращает на себя внимание деперсонализация главы государства, убийство которого не рассматривается депутатами как преступление против личности, оценивается иначе, нежели «просто убийство». Кроме того, одинаковое отношение оппозиционно настроенных рабочих и законодателей к государственной власти свидетельствует как о её ценности в глазах общества, так и о самосознании депутатов.

Определить степень ожесточённости депутатов не представляется возможным. Но приблизиться к оценке психологического климата внутри депутатского корпуса России позволяет группа вопросов об отношении к защите животных и о доверии людям.

Депутатам было предложено ответить на вопрос о моральности создания фондов защиты животных в условиях, когда множество граждан страны живёт за чертой бедности. Ответы на этот вопрос оказались тесно связанными с ответами на вопрос о смертной казни.

Среди считающих нужным применять смертную казнь по всем семи позициям доля полагающих создание таких фондов аморальным составила 33%, а среди тех, кто отверг смертельную казнь за все преступления, —

0%. Среди утверждающих, что создавать фонды защиты животных аморально, доля высказавшихся за применение смертной казни равнялась (в среднем по семи позициям) 61%, а среди считающих такие фонды вполне нормальным явлением — 44%.

Доверие к людям оценивалось ответами на вопрос о мотивах честного поведения. Формулировка вопроса такова: «Как, по-вашему, большинство людей, которые ведут себя честно, поступают так, потому что обладают высокой нравственностью или потому что боятся быть уличёнными в бесчестных поступках?» Варианты ответов: «потому что обладают высокой нравственностью», «потому что боятся быть уличёнными в бесчестных поступках», «верно и то и другое», «затрудняюсь ответить». Удельный вес опрошенных депутатов, считающих, что причиной честного поведения людей является высокая нравственность, составил 43%. У делегатов шахтерского съезда этот показатель был равен 52%. В опросе, проведенном в 1988 году среди московской интеллигенции, доля таких ответов была 38% («Рабочий класс и современный мир», 1989, №4, с. 75-91).

Этот вопрос заимствован у американских социологов, которые в 1983 году при проведении аналогичного опроса в США от 72% респондентов получили ответ, что за честными поступками людей стоит их высокая нравственность. (Survey of Audit and Survey for Merit Report. 1983, March, 7—10) Таким образом, регистрируемый в наших опросах уровень доверия к людям далек от уровня обществ с нормальным психологическим климатом.

Пресс-служба МСИ «Россия»

ЧЕЛОВЕК ПОПАЛ В БЕДУ...

*Декларация
основных принципов правосудия
для жертв преступлений и злоупотребления властью*

А. ЖЕРТВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

1. Под термином «жертвы» понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государств-членов, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью.

2. В соответствии с настоящей Декларацией то или иное лицо может считаться «жертвой» независимо от того, был ли установлен, арестован, предан суду или осужден правонарушитель, а также независимо от родственных отношений между правонарушителем и жертвой. Термин «жертва» в соответствующих случаях включает близких родственников или иждивенцев непосредственной жертвы, а также лиц, которым был причинен ущерб при попытке оказать помощь жертвам, находящимся в бедственном положении или предотвратить виктимизацию.

3. Положения, содержащиеся в настоящей Декларации применимы ко

всем лицам без каких-либо различий, независимо от расы, цвета кожи, пола, возраста, языка, вероисповедания, национальности, политических или иных взглядов, культурных убеждений или практики, имущественного, сословного или семейного положения, этнического или социального происхождения и нетрудоспособности.

ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ И СПРАВЕДЛИВОЕ ОБРАЩЕНИЕ

4. К жертвам следует относиться с состраданием и уважать их достоинство. Они имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством.

5. В тех случаях, когда это необходимо, следует создать и укрепить судебные и административные механизмы, с тем чтобы обеспечить жертвам возможность получать компенсацию с помощью официальных или неофициальных процедур, которые носили бы оперативный характер, являлись

бы справедливыми, недорогостоящими и доступными. Жертв, стремящихся получить компенсацию с помощью таких механизмов, следует информировать об их правах.

6. Следует содействовать тому, чтобы судебные и административные процедуры в большей степени отвечали потребностям жертв путем:

а) предоставления жертвам информации об их роли и об объеме, сроках проведения и ходе судебного разбирательства и о результатах рассмотрения их дел, особенно в случаях тяжких преступлений, а также в случаях, когда ими запрошена такая информация.

б) обеспечения возможности изложения и рассмотрения мнений и пожеланий жертв на соответствующих этапах судебного разбирательства в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы, без ущерба для обвиняемых и согласно соответствующей национальной системе уголовного правосудия.

в) предоставления надлежащей помощи жертвам на протяжении всего судебного разбирательства.

г) принятия мер для сведения к минимуму неудобств для жертв охраны их личной жизни в тех случаях, когда это необходимо, и обеспечения их безопасности, а также безопасности их семей и свидетелей с их стороны и их защиты от запугивания и мести;

д) предотвращения неоправданных задержек при рассмотрении дел и выполнении постановлений или решений о предоставлении компенсации жертвам.

7. В тех случаях, когда это необходимо, следует использовать неофициальные механизмы урегулирования споров, включая посредничество, арбитраж и суды обычного права или местную практику, с тем чтобы содействовать примирению и предоставлению возмещения жертвам.

РЕСТИТУЦИЯ

8. При соответствующих обстоятельствах правонарушители или третьи стороны, несущие ответственность за их поведение, должны предоставлять справедливую реституцию жертвам, их семьям или иждивенцам. Такая реституция должна включать возврат собственности или выплату за причиненный вред или ущерб, возмещение расходов, понесенных в результате виктимизации, предоставление услуг и восстановление в правах.

9. Правительствам следует рассмотреть возможность включения реституции в свою практику, положения и законы в качестве одной из мер наказания по уголовным делам в дополнение к другим уголовным санкциям.

10. В случаях причинения серьезного ущерба окружающей среде реституция, если будет вынесено соответствующее решение, должна включать, насколько это возможно, восстановление окружающей среды и инфраструктуры, замену имущества общины и возмещение расходов, связанных с переселением в тех случаях, когда такой ущерб вызывает необходимость перемещения общины.

11. Когда государственные должностные лица или другие представители, действующие в официальном или полуофициальном качестве, нарушают национальные уголовные законы, жертвы должны получать реституцию от государства, должностные лица или представители которого несут ответственность за причиненный ущерб. В тех случаях, когда правительство, при котором имело место приведшее к виктимизации действие или бездействие, уже не существует, реституция жертвам должна предоставляться государством или правительством-преемником.

КОМПЕНСАЦИЯ

12. В тех случаях, когда компенсацию невозможно получить в полном объеме от правонарушителя или из других источников, государствам следует принимать меры к предоставлению финансовой компенсации:

а) жертвам, которые в результате тяжких преступлений получили значительные телесные повреждения или существенно подорвали своё физическое или психическое здоровье;

б) семьям, в частности иждивенцам лиц, которые умерли или стали физически или психически недееспособными в результате такой виктимизации.

13. Следует содействовать созданию, укреплению и расширению национальных фондов для предоставления компенсации жертвам. При необходимости в этих целях могут создаваться и другие фонды, в том числе в тех случаях, когда государство, гражданином которого жертва является, не в состоянии возместить жертве причинённый ей ущерб.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ

14. Жертвам следует оказывать необходимую материальную, медицинскую, психологическую и социальную помощь по правительственным, добровольным, общинным и местным каналам.

15. Следует информировать жертвы о наличии медицинских и социальных услуг и другой соответствующей помощи и обеспечить им полную возможность пользоваться ими.

16. Работникам полиции, системы правосудия, здравоохранения, социальных служб и другому соответствующему персоналу следует проходить подготовку, позволяющую обеспечить понимание ими потребности жертв и руководящих принципов оказания надлежащей оперативной помощи.

17. При предоставлении услуг и помощи жертвам следует уделять внимание тем, кто испытывает особые потребности, обусловленные характе-

ром причинённого ущерба или факторами, упомянутыми в пункте 3, выше.

Б. ЖЕРТВЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ВЛАСТЬЮ

18. Под термином «жертвы» понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинён вред, включая телесные повреждения, или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, ещё не представляющего собой нарушения национальных уголовных законов, но являющегося нарушением международно признанных норм, касающихся прав человека.

19. Государствам следует рассмотреть вопрос о включении в национальные законы норм, запрещающих злоупотребление властью и предусматривающих средства защиты для жертв таких злоупотреблений. В число таких средств следует, в частности, включить право на реституцию и/или компенсацию и необходимую материальную, медицинскую, психологическую и социальную помощь и поддержку.

20. Государствам следует рассмотреть возможность заключения многосторонних международных договоров, касающихся жертв, определение которых приводится в пункте 18.

21. Государствам следует периодически пересматривать существующие законы и практику для обеспечения их способности реагировать на изменяющиеся условия, в случае необходимости принимать и вводить в действие законодательные положения, запрещающие деяния, представляющие собой серьёзные виды злоупотребления политической или экономической властью, и содействующие мерам и механизмам предотвращения таких деяний, а также развивать и широко обеспечивать соответствующие права и средства правовой защиты для жертв таких деяний.

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Наши публикации последние три года, как бы на них ни реагировали цензура и наша аудитория, были не более чем попытками трезвого и непредубежденного обсуждения проблем нашего общества и государства. Мы намерены продолжать издательскую политику и дальше, но уже на другом содержательном уровне.

Нас интересует мнение читателей о том, каким был журнал в годы перестройки и каким он видится тем, кто будет читать его и тогда, когда перестройку сменит какое-то другое идеологическое или политическое начинание.

I. Итак, как давно Вы читаете наш журнал?

1. Меньше года.
2. Год — два.
3. Больше двух лет.
4. Случайно попал номер в руки.

II. Если бы у Вас в руках оказались одновременно только что вышедшие номера разных изданий, то в каком порядке бы Вы их просматривали? Укажите, что бы Вы просмотрели сначала — № 1, а потом другие — в порядке предпочтения.

«Новое время»

«Московские новости»

«Коммерсант»

«Век XX и мир»

«Литературная Россия»

III. Подчеркните, пожалуйста, в списке изданий те, на которые Вы подписались на 1991 год.

«Правда»

«Известия»

«Комсомольская правда»

«Рабочая трибуна»

«Советская Россия»

«Новое время»

«Московские новости»

«Век XX и мир»

IV. От подписки на какие издания на 1991 год Вы отказались? Напишите, пожалуйста.

V. Объясните, пожалуйста, причины, по которым Вы не продлили подписку на эти издания?

1. Неинтересно.
2. Не хватает времени читать все.
3. Не согласен с идеологией редакции.
4. Нет денег.
5. Другое (напишите).

VI. Какое из данных ниже определений, по Вашему мнению, более всего подходит к нашему журналу? (подчеркните)

1. Это издание Советского комитета защиты мира, которое проводит его политику.
2. Это издание, в котором одни интеллектуалы пишут для других о том, что интересно только им одним.
3. Это издание, специализирующееся на публикации острых разоблачительных материалов.
4. Это издание, формирующее темы и проблемы, которые должны стать центром общественного внимания.

Если ни одно из определений Вас не устраивает, попробуйте сформулировать свое

VII. Напишите, пожалуйста, фамилии авторов статей или названия материалов, которые Вам наиболее запомнились

1. _____
2. _____
3. _____
4. _____

VIII. Были ли за последний год публикации в журнале, вызвавшие у Вас активное неприятие или непонимание авторской позиции?

1. Да.
2. Нет.
3. Не помню.

IX. Если такие публикации были, то напишите фамилии авторов или названия материалов.

X. Подписались ли Вы на «Век XX и мир» на 1991 год?

1. Да.
2. Нет.

XI. Если не подписались, то собираетесь ли Вы его читать или просматривать?

1. Да.
2. Нет.
3. Вполне возможно, если попадет в руки.

XII. Если Вы не подписались и не собираетесь читать «Век XX и мир», то почему? Напишите _____

XIII. Теперь расскажите о себе.

Вы (подчеркните)

1. Преподаватель, научный работник.
2. Инженер.
3. Военнослужащий.
4. Рабочий.
5. Домохозяйка.
6. Пенсионер.
7. Студент.
8. Государственный служащий.

XIV. Вы работаете (подчеркните)

1. В НИИ, ВУЗе, школе, техникуме.
2. В средствах массовой информации (газете, журнале, ТВ).
3. В кооперативе, совместном предприятии или другой организации, принадлежащей к негосударственному сектору экономики.
4. На государственном промышленном или сельскохозяйственном предприятии или учреждении.

Бюллетень «Век XX и мир» № 12 (на русском языке). ежемесячный

Напечатано в СССР. Типография изд. АПН. 107005. Москва.

ул. Фр. Энгельса. 46

Сдано в набор 18.10.90. Подписано в печать 26.11.90.

Заказ 1096 . Объем 3 п. л.

Отпечатано в типографии № 6. Тираж 217 500 экз.

**ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА**

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

■ ВЕК XX И МИР ■

■ XX CENTURY AND PEACE ■

■ LE XXe SIECLE ET LA PAIX ■

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

